

Издательский дом «Плутон»
Научный журнал «Юридический факт»
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
УДК 378.001

XVI Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

09 октября 2017 г.

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ ШЕСТНАДЦАТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

09 октября 2017 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-9500488-3-8

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам XVI Международной научной конференции «Свобода и право», 09 октября 2017 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Кемерово 2017

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 09.10.2017 г.

Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 2.2. | Тираж 500.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ.....	3
Гусаров Н.А.	
2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, СВЯЗАННЫЕ С КВАЛИФИКАЦИЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И СЛУЖЕБНЫМИ ПОДЛОГАМИ.....	6
Любавина О.С.	
3. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРАВО ЧЕЛОВЕКА И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	11
Вяхирев Е.В.	
4. К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	15
Соловьёва М.М.	
5. ОРГАНИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	20
Бухтияров А.Л., Курбатов Е.В.	
6. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ.....	25
Лебедева А.В.	
7. К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	27
Габитова В.А.	
8. ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ.....	30
Скибенко Я.Г., Шафиева С.И.	
9. РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	33
Скибенко Я.Г., Шафиева С.И.	
10. ЮРИДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН.....	36
Железняк А.Л.	
11. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	39
Шестаков Н.В.	

Гусаров Николай Алексеевич

Gusarov Nikolay Alekseevich

магистрант / Тольяттинский государственный университет

E-mail: n.a.gusarov@yandex.ru

УДК 343.346

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND VEHICLE OPERATION

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы уголовного права, связанные с квалификацией преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. Основой для анализа в данной статье являются преступления, попадающие под действия статьи 264 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которая квалифицирует уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Abstract: The article analyzes current problems of criminal law related to the qualification of crimes against traffic safety and vehicle operation. The basis for analysis in this article are crimes falling under the provisions of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, which qualifies the criminal liability for violation of traffic rules and the operation of vehicles.

Ключевые слова: транспортная безопасность, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, квалификация транспортных преступлений.

Key words: transport safety, crimes against traffic safety and operation of transport, qualification of transport crimes.

Особую актуальность в многоплановости вышеозначенной проблемы имеет возрастающие диспропорции количества автотранспортных средств и улично-дорожной сетью. По данным Госавтоинспекции России, в 2016 году в Российской Федерации было совершено 25552066 правонарушений ПДД, которые закончились дорожно-транспортными происшествиями в количестве 199720 штук. Жертвами данных преступлений стали 26963 человек, при этом 251785 остались с травмами различной степени тяжести [8, с.3]. При этом, как подтверждает статистика, каждое третье дорожно-транспортное происшествие оказывается преступлением. Соответственно имеет место рост числа преступлений с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В области транспортной безопасности подобные преступления являются преобладающими, а уголовно-правовые последствия и необходимость их правильной квалификации определили актуальность данного исследования.

Постоянное состояние защищенности и незыблемости - такую характеристику дает Федеральный закон "О транспортной безопасности" (09.02.2007г.) для объектов инфраструктуры транспортных средств от способов из незаконного использования, при этом ставя первоочередной задачей - обеспечивать четкое нормативно-правовое регулирование безопасности движения всех видов транспорта.

В центре внимания данного федерального закона сосредоточены способы решения проблемы обеспечения безопасности транспорта в области уголовно-правового обеспечения. На современном этапе развития Российской Федерации, занимающей значительную часть мирового пространства, решение подобных проблем действительно необходимо, так как транспорт - способ обеспечения экономических и производственных процессов в мире, и его бесперебойная работа, в том числе и без аварий, способна оказать существенное влияние на эти процессы.

В составе всех видов транспорта - автомобильный - несет значительную нагрузку в общей транспортной системе страны. Развитие автомобильного транспорта все чаще решает проблему по

перевозке грузов и пассажиров, но вместе с тем в данной области имеется ряд уголовно-правовых проблем, которые требуют внимания государства и законодателя для снижения негативной тенденции транспортных правонарушений. От успешных действий в области уголовно-правового регулирования транспортной безопасности зависит не только жизнь и здоровье населения, но и промышленный потенциал страны.

По своим разрушительным последствиям преступления в области транспортной безопасности могут сравниться с правонарушениями против личности. Так как помимо всего вышеперечисленного недостаточное обеспечение транспортной безопасности оказывает влияние не только на прямые, но и косвенные демографические показатели страны. Имеет место и огромный материальный ущерб и социальный резонанс, наносимый правонарушениями в данной сфере.

Нарушение правил дорожного движения самими водителями по статистике является причиной 85% всех случаев ДТП. Наиболее распространенные нарушения – это алкогольное опьянение, превышение допустимой скорости, разговоры по мобильному телефону, нарушение правил проезда перекрестка, выезд на встречную полосу движения. Тенденция к повсеместному внедрению приборов видеофиксации нарушений правил дорожного движения и замене ими сотрудников ДПС приводит к тому, что пьяный водитель за рулем чувствует себя безнаказанным, ведь ни одна камера не может выявить водителя в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, остановить его, возможно, сохранив тем самым жизнь ему и другим участникам дорожного движения.

«Следует отметить, что первое в мире дорожно-транспортное происшествие с летальным исходом произошло в Англии и датировано оно 17 августа 1896г. Тогда Артур Эдселл, управляя автомобилем, сбил Бриджит Дрисколл, 44-летнюю мать двоих детей. Водитель Артур Эдселл, представитель «Англо-французской автомобильной компании», которая хотела продемонстрировать публике свою новую модель, обязан был ехать со скоростью четыре мили в час, но увлекся, и вдвое её превысил. Видимо, желая произвести впечатление на леди, пожелавшую с ним прокатиться. Согласно показаниям свидетелей, во время ДТП водитель оживленно болтал с пассажиркой» [7, 2]. Никаких обвинений к Эдселлу и компании предъявлено не было, так как в ходе разбирательства данное ДТП было признано несчастным случаем.

Таким образом, учитывая специфику преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, многие ученые в своих работах высказывают позицию, что история развития законодательства в данной сфере не является длительной и начинается только в XX в.

Безусловно, на первоначальной этапе, из-за малого количества транспортных средств, нормативного регулирования в сфере безопасности дорожного движения не требовалось. Но с развитием и увеличением транспорта возникла необходимость в усовершенствовании законодательства.

На данный момент нормативная база преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств складывается из Конституции Российской Федерации, Уголовного Кодекса Российской Федерации, Федеральных законов "О транспортной безопасности", "О безопасности дорожного движения", постановления Правительства Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Указов Президента Российской Федерации.

Увеличение числа уголовно-правовых норм оправдано, т. к. обусловлено необходимостью ликвидировать отставание в правовом регулировании отношений, возникающих в сфере использования транспорта. В то же время появление таких норм не всегда вписывается в существующую систему, что влечет конкуренцию общих и специальных норм.

Так, в настоящее время нет необходимости в самостоятельных уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за нарушения правил движения и эксплуатации различных видов транспорта (ст. ст. 263 и 264 УК РФ). Поскольку известны случаи наступления очень тяжелых последствий при эксплуатации автотранспорта, общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. ст. 264 и 263 УК РФ, практически одинакова. Кроме того, научно-технический прогресс может породить новые транспортные системы, дать исчерпывающий перечень которых в уголовном законе не представляется возможным.

Итак, уголовно-правовые нормы о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта подлежат реконструкции. Представляется, что систему преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта целесообразно было бы представить в следующем виде: «ст. 263 – нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта,

ст. 266 – недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями, а также допуск к управлению транспортными средствами лиц, находящихся в состоянии опьянения, ст. 267 – приведение в негодность средств или путей сообщения, ст. 268 – нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, ст. 271.1 – нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации» [6, 18].

Таким образом, квалификация дорожно-транспортных преступлений связана с определенными трудностями объективного и субъективного характера. Практика испытывает значительные трудности в определении элементов составов автотранспортных преступлений и в их разграничении со смежными составами.

Во-первых, необходимо разграничивать преступления в этой сфере и административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена в главе 12 КоАП РФ. Во-вторых, следует учитывать и дифференциацию преступных деяний внутри указанной категории (ст. 263, 264 и 268 УК РФ).

В-третьих, есть отдельные факты, требующие «отграничения дорожно-транспортных преступлений от преступлений против личности. Для правильной квалификации следует определить характер происшествия, а именно: связано оно с дорожным движением или имеет иную природу; выполнялась ли транспортная функция механизма или происшествие связано с выполнением технологических операций, не связанных с движением транспортного средства; регулировались ли действия правилами дорожного движения или речь идет о производстве действий, урегулированных правилами техники безопасности» [5, 54].

Повышенная опасность автомобиля возникает при его движении. В этом состоит принципиальное отличие проведения определенных работ с помощью транспортных средств от нарушения правил дорожного движения.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Российская газета, №23, 1993.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Российская газета, №11, 1996.
3. Федеральный закон "О транспортной безопасности" от 09.02.2007 N 16-ФЗ (ред.от 06.07.2016 N 374-ФЗ) // Российская газета, №3, 2007.
4. Федеральный закон "О безопасности дорожного движения" от 10.12.1995 N 196-ФЗ (ред. от 03.07.2016 N 296-ФЗ) // Российская газета, №23, 1995.
5. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений. Научно-практическое пособие. М.: РАП, 2011.
6. Проценко С. В. О транспортном средстве как источнике повышенной опасности в российском уголовном законодательстве // Российский следователь, 2014, № 23.
7. Самое первое в мире ДТП [Электронный ресурс]: Информация о самых первых в мире предметах и явлениях. – Электрон.дан. - М., 2016.– [Режим доступа]: <http://first-ever.ru/samoe-pervoe-dtp.html>.
8. Сведения о показателях безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения 01.11.2015 г.).

Любавина Ольга Станиславовна**Lubavina Olga Stanislavovna**

магистрант / Тольяттинский государственный университет

E-mail: lubawina.o@yandex.ru

УДК 343

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, СВЯЗАННЫЕ С
КВАЛИФИКАЦИЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И СЛУЖЕБНЫМИ ПОДЛОГАМИ****ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW RELATED TO THE QUALIFICATION OF
CRIMES RELATED TO FALSIFICATION OF EVIDENCE AND OFFICIAL FORGERY**

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы уголовного права, связанные с квалификацией преступлений связанных с фальсификацией доказательств и служебными подлогами. Целью написания данной статьи является непосредственный анализ проблем квалификации преступлений связанных с фальсификацией доказательств и служебными подлогами. Для достижения поставленной цели в статье изучены современные правовые доктрины, регулирующие данное направление, рассмотрены составы данных преступлений, вопросы их квалификации, а также отграничение друг от друга. Основой для анализа в данной статье являются преступления, попадающее под действия статей 303 и 292 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которые квалифицируют уголовную ответственность за преступления связанные с фальсификацией доказательств и служебными подлогами.

Abstract: The article analyzes current problems of criminal law related to the qualification of crimes related to falsification of evidence and official forgery. The purpose of writing this article is a direct analysis of the problems of the qualification of crimes related to the falsification of evidence and official forgery. To achieve this goal, the article examines modern legal doctrines that regulate this direction, examines the composition of these crimes, the issues of their qualifications, as well as defiance from each other. The basis for analysis in this article are crimes falling under the provisions of articles 303 and 292 of the Criminal Code of the Russian Federation, which criminalize crimes related to falsification of evidence and official forgery.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, служебный подлог, квалификация преступлений против государственной власти, оперативно-розыскная деятельность

Key words: falsification of evidence, official forgery, qualification of crimes against state power, operational-search activity

Рассматриваемые составы преступлений служебный подлог и фальсификация доказательств включены соответственно в 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» и 31 «Преступления против правосудия» главы Уголовного Кодекса РФ.

Вопросы, связанные с фальсификацией доказательств, возникают при рассмотрении любых дел, как уголовных, гражданских дел в судах общей юрисдикции, так и дел, рассматриваемых арбитражными судами. На практике проблема фальсификации доказательств меньше всего затрагивает уголовное судопроизводство, поскольку уголовные дела поступают в суд после процедур дознания либо предварительного расследования, при проведении которых факты фальсификации доказательств бывают обнаружены и пресечены органами, производящими указанные действия.

Законодатель по вполне понятным причинам ввел в Уголовный кодекс РФ ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу, установив ее в санкциях ч.ч. 2, 3 и 4 ст. 303 УК РФ. Тогда как диспозиции ст. 303 УК РФ, «касаемо фальсификации доказательств по уголовному делу, указывают на совершение фальсификации лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником (ч. 2) фальсификацию по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия (ч. 3), и фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицами, уполномоченными на ее

проведение (ч. 4)» [12, 14]. Но данный состав преступления имеет очень много недоработок и вопросов, которых в подобном случае быть не должно в силу вредности деяния.

Для начала необходимо разобраться с понятием «фальсификация». Необходимо отметить, что законодатель не дает определения данному термину ни в Уголовном законе РФ, ни в каком бы то ни было ином законе. В этой связи определение рассматриваемого термина спорно, имеет несколько мнений и позиций. Следует придерживаться интерпретации, изложенной Верховным судом РФ (далее – ВС РФ), который в ряде судебных актов отразил правовую позицию, согласно которой «фальсификация по смыслу закона заключается в сознательном искажении представленных в уголовное дело доказательств, на основе которых органами предварительного расследования или судом принимается решение» [5, 12]. Между тем еще в 2006 году ВС РФ дал более широкое определение данному термину, указав, что «по смыслу ст. 303 УК РФ под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств в пользу обвиняемого или потерпевшего. Такими действиями могут быть признаны уничтожение или сокрытие улик, предъявление ложных вещественных доказательств» [6, 9]. Таким образом, можно вести речь о принятии обоих определений фальсификации доказательств по уголовному делу.

5 апреля депутаты приняли закон, который вносит изменения в ч. 1 ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности», устанавливая уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по административному делу участвующим в нем лицом или его представителем. При этом санкции, предусмотренные указанной частью, не изменяются.

Из пояснительной записки следует, что принятие закона необходимо ввиду существующего правового пробела. Так, действующая редакция статьи устанавливает ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому или уголовному делу, а также за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, но не затрагивает административные дела. Таким образом, из сферы ее действия выпадала фальсификация доказательств по делам, рассматриваемым в порядке, предусмотренном КАС РФ.

Судя по всему, принятый закон является логичным дополнением уголовно-правовой нормы, поскольку производство по делам об административных правонарушениях ничем, по сути, не отличается от производства по иным делам. Особенно важно, что нормой устанавливается ответственность за фальсификацию доказательств должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях либо составлять протоколы. Поэтому есть надежда на то, что теперь они будут гораздо внимательнее относиться к оформлению материалов дела.

Единственным минусом нормы, относящимся к юридической технике, оказался неполный перечень лиц, которые являются субъектами преступления, считает адвокат. Так, в норме закона в качестве таковых указаны: участник производства по делу об административном правонарушении, его представитель. При этом КоАП РФ разделяет процессуальные статусы представителя и защитника. Представляется, что подобная «неполнота» породит дискуссии в теории и практике.

Принятие такого закона является верным шагом, так как подлог доказательств в любом виде судопроизводства искажает смысл правосудия и его состязательный характер. Изъятие административного судопроизводства из сферы действия уголовной ответственности за подлог – некорректный пробел, его устранение можно только поприветствовать.

Однако, сложно говорить о значительном влиянии нового закона на практику, поскольку и по действующей редакции этой статьи случаи привлечения к уголовной ответственности достаточно редки.

Служебный подлог – преступление небольшой тяжести, но только в том случае, когда он выступает отдельным, целостным фактом преступления. Как правило, это бывает крайне редко, и служебный подлог осуществляется ради другой, мотивированной корыстным убеждением должностного лица, цели. Сущностью служебного подлога является реализация преступного умысла субъекта преступления, направленная на изменение реального положения дел, отраженного в документационном обеспечении – на заведомо ложную информацию. Таким образом, могут быть осуществлены неправомерные действия в отношении служебных фактов, адаптируемых к их незаконному использованию.

В соответствии с характеристикой, данной преступлению в статье 292 УК РФ, служебным подлогом считается внесение должностным лицом, а также государственным служащим, служащим

местного самоуправления, заведомо ложных сведений или изменений, определяющих состав преступления. Подлог может носить формы:

- материальную форму, когда документ исправляется, изменяется путём подчисток, вытравливания части текста, печатей, штампов и т.п.;
- интеллектуальную форму, когда незаконный документ изготавливается заново.

«Фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ) следует отличать от служебного подлога (ст. 292 УК РФ). В данном случае речь идёт о конкуренции уголовно-правовых норм. При этом специальной следует считать норму о фальсификации доказательств, поскольку она устанавливает уголовную ответственность только за искажение фактических данных, используемых при осуществлении правосудия. Норма же о служебном подлоге является общей, так как охватывает все случаи фальсификации официальных документов» [9, 23]. В.Н. Борков придерживается другого мнения. Он считает, что «служебный подлог, как и посягательство, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, выступает в качестве специального вида превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Иными словами, фальсификация доказательств является одной из форм служебного подлога» [7, 45].

«Служебный подлог - это преступление против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, фальсификация доказательств же является преступлением против правосудия. Таким образом, объектом служебного подлога выступает нормальная деятельность публичного аппарата власти и управления в сфере обращения с официальными документами; объектом фальсификации доказательств выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных принципов правосудия, нормальную деятельность конкретных органов по осуществлению правосудия, реализации функции уголовного преследования, а также исполнению судебных актов. В качестве дополнительного объекта обоих преступлений выступают конституционные права и свободы человека и гражданина, охраняемые законом интересы граждан, организаций и государства» [9, 25].

«Объективная сторона служебного подлога характеризуется действиями, состоящими: 1) во внесении в официальные документы заведомо ложных сведений; 2) во внесении в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. Для наличия состава преступления достаточно совершения хотя бы одного из названных действий» [11, 525].

«Объективной стороной фальсификации доказательств являются: 1) создание фальсифицированного (подложного) доказательства; 2) внесение любого изменения, искажающего достоверный характер содержащихся в нём сведений, в уже имеющееся доказательство; 3) уничтожение части документа. Таким образом, сопоставляя объективные стороны данных преступлений, приходим к выводу о том, что действия по внесению в официальный документ/доказательство изменений, искажающих достоверность сведений, являются общей составляющей.

Служебный подлог считается оконченным преступлением с момента внесения в официальный документ ложных сведений либо исправлений, искажающих его действительное содержание, независимо от того, был ли в дальнейшем такой документ использован» [8, 748]. «Фальсификация доказательств считается оконченным преступлением с момента фальсификации доказательства следователем, прокурором или лицом, производящим дознание. Существуют и другие подходы к решению вопроса о том, с какого момента фальсификация доказательств является оконченным преступлением. Составы обоих преступлений являются формальными» [10, 364].

«Субъективная сторона составов обоих преступлений характеризуется виной в виде прямого умысла. Мотивы и цели на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, не влияют, поскольку не предусмотрены законом в качестве обязательных признаков состава преступления» [8, 794]. «В случае же служебного подлога субъективная сторона характеризуется также и специальным мотивом - корыстной или иной личной заинтересованностью. Таким образом, мотив служебного подлога является обязательным признаком преступления, а мотив фальсификации доказательств - факультативным признаком» [11, 527].

Субъект служебного подлога специальный. Им может быть как должностное лицо. «Должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных

Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, так и государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не являющийся должностным лицом» [3, 62]. «Согласно ч. 1 ст. 303 УК, субъектами фальсификации доказательств по гражданскому делу являются лица, участвующие в деле, и их представители. Субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу являются сотрудник органа дознания, производящий неотложные следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) до возбуждения уголовного дела, начальник подразделения дознания, лицо, производящее дознание, руководитель следственного органа, следователь-криминалист, эксперт, специалист, потерпевший, а также судья, секретарь судебного заседания, помощник судьи. Не несут ответственности по ч. 1 ст. 303 УК РФ должностные лица. Фальсификация доказательств, совершаемая ими, признаётся служебным подлогом и квалифицируется по соответствующей статье УК РФ» [3, 74].

Проведя анализ и сравнение данных деяний, можно сделать следующие выводы:

- основные объекты преступлений отличаются, дополнительные - совпадают;
- одно из действий, составляющих объективную сторону, является общим;
- субъективные стороны совпадают, разную роль играет лишь мотив совершения преступления;
- субъекты полностью различны;
- оба преступления имеют формальный состав.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017, с изм. от 16.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017) // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (часть I). - Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017) // СЗ РФ. - 1996. - № 25.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) [Электронный документ]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2006 г. N 23 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/>
7. Борков, В.Н. О превышении должностных полномочий в форме служебного подлога / В.Н. Борков // Уголовное право и современность. - 2015. - №9.
8. Бриллиантов, А.В. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова и др. - М.: Проспект, 2010.
9. Вишняков, В.В. Уголовно-правовая оценка фальсификации доказательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Вишняков. - Москва, 2012.
10. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2013.
11. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник в 2 т. Т. 2 / Под. ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2013.
12. Танкова, Ю.М. Актуальные проблемы квалификации фальсификации доказательств. Оренбург, 2016.

Вяхирев Евгений Викторович
Vyakhirev Evgeniy Viktorovich
магистрант / Тольяттинский государственный университет
E-mail: svoie@mail.ru

УДК 343.575

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРАВО ЧЕЛОВЕКА И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

REGULATORY AND LEGAL REGULATION: HUMAN RIGHTS AND ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Аннотация: в статье анализируется нормативно-правовое обеспечение проблем уголовного права, связанных с правом человека и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Основой для анализ являются перечисленные в ст.ст. 228-233 УК РФ незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или их аналогами, а также растениями и их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества.

Annotation: the article analyzes the legal and regulatory support for criminal law problems related to human rights and illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The basis for the analysis are listed in Art. 228-233 of the Criminal Code of the Russian Federation illegal actions with narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors or their analogues, and also plants and their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, охрана здоровья, право человека, прекурсор.

Key words: illegal traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, health protection, human rights, precursor.

Перечисленные в ст.ст. 228-233 УК РФ незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или их аналогами, а также растениями и их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества содержатся в Главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», которая включена в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Охрана здоровья граждан Российской Федерации обеспечивается системой мер политического, экономического, правового, социального, медицинского характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, а также предоставление медицинской помощи в случае утраты здоровья. С правовой точки зрения здоровье является субъективным право каждого гражданина России, а в свою очередь субъектом его обеспечения является государство. Введение ст. ст. 228-233 в УК РФ основывается именно на такой правовой трактовке понятия здоровья. Общественная опасность же преступлений, предусмотренных вышеуказанными статьями, выражается в том, что в результате их совершения угроза здоровью возникает в отношении неопределенного круга лиц.

Таким образом, непосредственным объектом рассматриваемых преступлений, который совпадает с видовым объектом, выступает здоровье населения. Родовым же объектом является общественный порядок и безопасность, как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Обязательный дополнительный объект - установление в стране правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами и наркосодержащими растениями, а в отношении контрабанды таких средств и веществ (ст. 229.1 УК РФ) – порядок их оборота при перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу РФ с государствами членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Кроме непосредственного объекта в научной литературе выделяют и отношения собственности в качестве второго дополнительного объекта ст. ст. 229 и 228.2 УК РФ. Однако относительно ст. 229 УК РФ хищение или вымогательство наркотических средств, может быть совершено из организаций, учреждений,

сельскохозяйственных предприятий либо у граждан, независимо от того, владеют ли они ими правомерно или неправомерно [8, 119]. Поэтому, во втором случае такое право собственности на наркотическое средство у так называемых потерпевших изначально отсутствует. Что же касается ст. 228.2 УК РФ, в определенных ситуациях в составе данного преступления может быть и факультативный объект, так как при причинении вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 228.2 УК РФ) факультативным объектом будут общественные отношения, обеспечивающие здоровье личности [9, 11].

Обязательным признаком ряда преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков является предмет посягательства. Это, прежде всего, наркотические средства или психотропные вещества, которые находятся в незаконном обороте, либо аналоги этих веществ, оборот которых вообще запрещен. В качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. ст. 228.3 и 228.4 выступают прекурсоры, а также растения, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. В предмет преступления, предусмотренного ст. 228.2 помимо наркотических средств и психотропных веществ, законом включены еще вещества, инструменты и оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем. К ним могут быть отнесены: заводские или кустарно изготовленные машины или приспособления для таблетирования указанных веществ; автоматические и ручные мешалки субстанций, веществ; полуфабрикаты и наборы пустых ампул разных объемов; приспособления для нарезки и пайки полиэтиленовых пакетов; устройства кустарные или заводские для охлаждения жидкостей при экстракции и перегонке и т.д. [7, 213]. В качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, выступают запрещенные к возделыванию растения и сорта конопли, мака или других растений, содержащих наркотические вещества, а ст. 233 УК РФ — рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ.

В зависимости от строгости установленных мер контроля, наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры включены в Списки I, II, III и IV соответственно, которые утверждаются Правительством РФ, по представлению уполномоченных органов. Постановлением Правительства РФ от 27.11.2010 № 934 утвержден перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации.

Понятие наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также прекурсоров раскрывается в ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», принятого Государственной Думой 10.12.1997 г. и одобренного Советом Федерации 24.12.1997 г. Здесь следует обратить внимание, что указанный закон расширил действующий Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, введя понятие аналогов указанных средств и веществ.

С одной стороны это обусловлено стремлением российского государства запретить любые действия, связанные с веществами, обладающими выраженным наркотическим действием, но не включёнными в Перечень. С другой стороны определение понятия аналогов вызывает определенные сложности, особенно в судебной практике. И так, к аналогам могут быть отнесены лишь те вещества, которые сходны с наркотическими средствами или психотропными веществами и по структуре и по свойствам. Сходство по структуре между веществами может наблюдаться в наличии определенных функциональных групп, в рамках гомологического ряда и др. Сходство по свойствам представляет ещё более сложности, поскольку вещества могут быть сходны по различным свойствам: химическим, физическим, фармакологическим и др.

Таким образом, для отнесения какого-либо вещества к категории аналогов либо должны быть указаны свойства, подлежащие совпадению, и границы совпадения этих свойств [6, 22]. Однако законом не установлены ни критерия, ни порядок отнесения каких-либо веществ к данной категории. В связи с этим, для определения сходства химической структуры аналогов наркотических средств и психотропных веществ было бы целесообразным введение порядка процентного соотношения, а также границы такого сходства, за пределами которых сходство являлось бы недостаточным для признания какого-либо вещества аналогом наркотического средства или психотропного вещества. Тем или иным способом, такое определение должно установлено законом, а не только экспертным путем. Кроме того, отсутствие законодательного определения сходства химической структуры

аналогов нередко становится условием для совершения ошибок судами и правоохранительными органами в ходе применения закона.

Предмет анализируемых преступлений в российском законодательстве описывается терминами «наркотические средства», «психотропные вещества», а также «прекурсоры», которые подразделяются на соответствующие списки.

Однако во многих статей УК РФ в качестве предмета выступают «аналоги наркотических средств и психотропных веществ», понятие которых не является вполне конкретным. В частности, как правило, для определения аналогов судьи и правоохранительные органы руководствуются субъективными оценками экспертов, что нередко вызывает определенные сложности в судебной практике. В связи с этим, для внесения ясности в определения данного термина было предложено ввести чёткие критерии соответствия любого из этих веществ наркотическому средству или психотропному веществу, а также законодательно установить соответствующий механизм признания вещества аналогом.

Российский законодатель также подразделяет действия в зависимости от цели их совершения, а также выделяет некоторые действия в отдельных статьях с учетом их повышенной (ст. 229.1 УК РФ) или уменьшенной общественной опасности (ст. 231 УК РФ). Логика понятна и вполне обоснована. Непонятно только одно, почему российский законодатель, кроме, конечно, самого по себе сбыта наркотиков, учитывает цель сбыта только в действиях по производству и пересылке. Ведь в некоторых случаях могут быть совершены с целью сбыта, например, изготовление, перевозка или приобретение наркотиков. Все указанные действия охватываются сбытом, последний в принципе немислим без них. Поэтому представляется целесообразным придание цели сбыта соответствующим действиям и их установление также в ст. 228.1 УК РФ.

Положительно следует относиться к трехступенчатой системе дифференциации уголовной ответственности за анализируемые преступления, на основе которой построено в целом российское антинаркотическое законодательство. Такой подход устанавливает вполне объективные критерии, по которым лицо привлекается к уголовной ответственности и подлежит соответствующему наказанию.

В последнее время наблюдается тенденция к ужесточению уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Недавними изменениями увеличился перечень рассматриваемых преступлений, а также размеры наказаний за их совершение. Федеральным Законом № 18-ФЗ введен новый размер наркотических средств – значительный размер и соответственно увеличилось значение «крупного» и «особо крупного» размера наркотиков.

Кроме того, одной из существенных новелл УК РФ в сфере незаконного оборота наркотиков было введение в 2012 г. Федеральным Законом № 18-ФЗ повышенной ответственности за сбыт наркотиков в образовательных учреждениях, а также в помещениях, используемых в сфере досуга.

Таким образом, делая заключение по представленному материалу, можно утверждать что развитию незаконного оборота наркотиков, а также влиянию состояния законодательства на него следует придать пристальное значение. Представленные статистические данные в отношении России, а также многочисленные свидетельства о росте наркопреступности указывают на несовершенство существующей системы законодательных мер государства. Отдельные нормы антинаркотического законодательства несовершенны и, несомненно, затрудняют деятельность правоохранительных органов. Неоднозначная же уголовная политика и не в полной мере соответствующая международному праву, также затрудняет и дальнейшее международное сотрудничество, которое в данный момент является необходимым.

Конечно, эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков требует принятие комплексных мер. Первый аспект этих мер – правовой, заключающийся в совершенствовании национального антинаркотического законодательства. Второй – политический, связанный с укреплением мирового сотрудничества и с объединением мировых действий на борьбе с транснациональным наркобизнесом. Третий, же и очень важный аспект – социальный, заключающийся в информировании об отвратительных последствиях потребления наркотиков, в воспитании подрастающего поколения, а также в укреплении института семьи.

Библиографический список:

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017) // СЗ РФ .- 1996. - № 25.
2. Федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах" от 08.01.1998 N 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016 N 305-ФЗ) // СЗ РФ.-1998.- № 2.

3. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 01.03.2012 N 18-ФЗ (ред. от 03.07.2016 N 329-ФЗ)// СЗ РФ.-2012.- № 3.

4. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 12.10.2015) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Система Консультант Плюс.

5. Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 934 (ред. от 01.10.2012) «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» // Система Консультант Плюс.

6. Иванова Е.В., Аналоги наркотических средств и психотропных веществ // Законность 2014, № 10.

7. Романова Л.И., Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика: учеб.-метод. пособие / – 2-е изд. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2014.

8. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата: в 2 томах / П. В. Агапов, Т. А. Боголюбова, Т. А. Диканова и др.; под ред. О. С. Капинус. - Учеб. изд. - М.: Юрайт, 2015. -Т. 2, 2015.

9. Федорович М. Н., Спорные вопросы теории и практики ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, Наркоконтроль №1, 2014.

Соловьёва Марина Михайловна

Soloveva Marina Mikhailovna

студентка магистратуры

Тюменский государственный университет

Институт государства и права

E-mail: mar66834477@yandex.ru

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

TO THE QUESTION ABOUT OPTIMIZATION OF PREVENTIVE MEASURES

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем совершенствования системы мер пресечения. В частности, рассматриваются аспекты применения на практике меры пресечения в виде домашнего ареста. Проводится анализ научных подходов к понятию и содержанию мер пресечения. Представлены предложения по совершенствованию процессуального законодательства.

Abstract: The article is devoted to problems of improving the system of preventive measures. In particular, discusses aspects of practical application of a preventive measure in the form of house arrest. The analysis of scientific approaches to the concept and content of preventive measures. Presented proposals to improve the procedural legislation.

Ключевые слова: оптимизация, меры пресечения, ограничения, домашний арест, заключение под стражу.

Key words: optimization, restraint, restriction, house arrest, detention.

Введение

Система мер пресечения находится в постоянном развитии. Законодатель осуществляет поиск наиболее эффективных мер, которые будут препятствовать ненадлежащему поведению подозреваемого и обвиняемого, обеспечат постановление предполагаемого приговора и его исполнение, но с наименьшими ограничениями прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Так, при принятии УПК РФ законодатель отказался от общественного поручительства, но возродил домашний арест (предусматриваемый Уставом уголовного судопроизводства); «оставшиеся» от УПК РСФСР 1960 г. меры пресечения претерпели изменения по ряду параметров. В юридической литературе высказываются суждения о необходимости дальнейшей оптимизации системы мер пресечения.

Например, предлагаются различные варианты возрождения «отдачи под особый надзор» (с установлением постоянного наблюдения за поведением подозреваемого, обвиняемого; требованием явки в определенное время или по вызову и т.п.) [1. С. 21; 2. С. 109–111] или «отобрания вида на жительство» (что ныне равнялось бы изъятию заграничного паспорта гражданина РФ или паспорта иностранного гражданина) [6. С. 72; 7].

Одним из направлений оптимизации может стать корректировка ст. 107 УПК РФ, регламентирующей домашний арест. Данная мера предполагает нахождение преследуемого лица в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении с возложением ограничений и (или) запретов (на выход за пределы помещения, в котором он проживает; на общение с определенными лицами; отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; использование средств связи и сети «Интернет») и осуществление за ними контроля. При ограничении выхода за пределы жилого помещения суду следует перечислить случаи, в которых подозреваемому или обвиняемому разрешено его покидать [11].

Следует учитывать, что изоляция при домашнем аресте составляет сущность рассматриваемой меры пресечения. Если обвиняемому разрешено покидать дом, ходить на работу, посещать магазины и т.д., то утрачивается её смысл [14. С. 250–251].

Таким образом, в уголовном процессе России объективно сложились две самостоятельные меры пресечения: «домашний арест» (с полной изоляцией преследуемого лица от общества), и мера, состоящая в «ограничении свободы передвижения и общения подозреваемого, обвиняемого». Вместе с тем различающиеся фактически рассматриваемые меры пресечения нормативно не разграничиваются. Они регламентируются одной статьей, предполагают одинаковые условия и порядок применения. Кроме того, они имеют единые уголовно-правовые последствия – исчисление срока по правилам содержания под стражей (ч. 21 ст. 107 УПК РФ) и его зачет в сроки наказания, в том числе лишения свободы из расчета один день за один день (ч. 3 ст. 72 УК РФ).

Такой подход нельзя признать справедливым. В качестве решения проблемы Д.А. Воронов предлагает введение новой меры принуждения – «запрет или ограничение определенных действий», не связанной с запретом покидать жилище, исполнение которой могло бы обеспечиваться аналогично современному домашнему аресту, в том числе с использованием средств электронного контроля. Сам же домашний арест, по мнению автора, должен заключаться в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, без права выхода за его пределы [3. С. 29–32].

Обратим внимание, что одновременное применение нескольких мер пресечения допускается в большинстве зарубежных стран. Л.В. Головкин в сравнительно-правовой плоскости противопоставляет (условно) «российскому» подходу, при котором каждая мера пресечения является автономной, «французский» вариант, где все меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, объединяются в рамках общего комплексного понятия «судебный контроль» (*contrôle judiciaire*). Принимая решение о судебном контроле, лицо, ведущее производство по делу, вправе одновременно выбрать сразу несколько мер пресечения, дополняющих друг друга, какие-то затем отменить, заменить, добавить и т.д.

Таким образом, все «альтернативные» заключению под стражу меры пресечения являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Кроме того, профессор обращает внимание и на англосаксонский подход, при котором в законе отсутствует исчерпывающий перечень мер пресечения, имеется только заключение под стражу, а также право суда не помещать обвиняемого под стражу в случае выполнения им условий *bail*, т.е. при внесении залога, дачи поручительства или выполнении иных условий, выдвигаемых самим судом в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств дела [8. С. 539–540].

Считаем, что как при континентальном («французском»), так и англосаксонском подходе к мерам пресечения может достигаться должный эффект воздействия при производстве по делу. Вместе с тем отечественный законодатель не спешит отказываться от доктринального запрета на применение одновременно двух мер пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). С учетом замечаний, содержащихся в текстах заключений на законопроект № 900722-6 к первому чтению (декабрь 2016 г.), документ претерпел изменения. В частности, его новая редакция теперь не предполагает применение «запрета определенных действий» в качестве дополнительной меры воздействия. Хотя при избрании залога или домашнего ареста суд наделяется правом установления на подозреваемого или обвиняемого дополнительно одного или нескольких обязательств из перечня «запрещенных действий». Таким образом, судья по внесенным в текст законопроекта изменениям, система мер пресечения продолжает развиваться в рамках «российского» подхода. При таком варианте регламентации принудительных мер происходит дальнейшее смешение разнопорядковых категорий. В одном случае «запрет определенных действий» предлагается именовать мерой пресечения, в другом – эти же запреты считать дополнительными обязательствами подозреваемого или обвиняемого.

Полагаем, что в современной отечественной модели мер пресечения (гл. 13 УПК РФ) требуется размежевать: ограничения, которые должны обеспечить надлежащее поведение преследуемого лица и реализацию угрожающего ему наказания (не покидать место жительства, являться по вызовам, не общаться с определенными лицами и т.п.), и способы обеспечения данных ограничений (личное обязательство – «подписка», поручительство заслуживающих доверие лиц (должностных лиц), денежное обеспечение – «залог», помещение в места временной изоляции и (или) контроль со стороны специализированных органов).

В настоящий момент закон допускает возложение на подозреваемого, обвиняемого совокупности ограничений, но определенных применительно к конкретному способу их обеспечения. Выбор воздействия требует оценки как эффективности комплекса ограничений,

которые являются содержанием меры пресечения, так и результативности способа их обеспечения. Например, обязанность не покидать место жительства без разрешения следователя предусмотрена при «подписке о невыезде» и в рамках «присмотра за несовершеннолетним обвиняемым», но она не может подкрепляться поручительством заслуживающего доверия лица или денежным обеспечением. Наряду с этим, при избрании мер пресечения, не связанных с помещением преследуемого лица в места временной изоляции, невозможно ограничить общение подозреваемого, обвиняемого с определенными лицами и т.п. Полагаем, что более эффективным может стать вариант, при котором лицо, ведущее производство, будет отдельно выбирать как сами ограничения (запреты, обязательства), составляющие содержание принудительного воздействия, так и способы их обеспечения. Схожий подход реализуется в УПК Украины. Здесь названо лишь пять мер пресечения (личное обязательство, личное поручительство, залог, домашний арест, содержание под стражей) и они отграничиваются от обязанностей, которые могут возлагаться на преследуемых лиц. Избирая меру пресечения, не связанную с содержанием под стражей, суд обязывает подозреваемого, обвиняемого прибывать по каждому требованию в компетентный орган (т.е. устанавливается общее обязательство), а также исполнять одну или несколько «дополнительных» обязанностей, а именно: прибывать к определенному служебному лицу с установленной периодичностью; не отлучаться из населенного пункта, в котором он зарегистрирован, проживает или находится, без разрешения следователя, прокурора или суда; сообщать об изменении своего местожительства и/или места работы; воздерживаться от общения с лицом или общаться с ним с соблюдением определенных судом условий; не посещать места, указанные следственным судьей или судом; пройти курс лечения от наркотической или алкогольной зависимости; приложить усилия к поиску работы или учебы; сдать на хранение в органы власти свой паспорт (паспорта) для выезда за границу, другие документы, которые дают право на въезд и выезд из страны; носить электронное средство контроля (ч. 1 ст. 176, ч. 5 ст. 194 УПК Украины).

Обращаем внимание, что отдельные запреты и обязательства, которые регламентированы процессуальным законодательством соседнего государства, в отечественном УПК не предусмотрены. Однако схожие меры воздействия имеют закрепление в нормах УК РФ, регламентирующих вопросы наказания. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ суд, назначая условное наказание, может возложить на осужденного исполнение обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении и др.

Полагаем, что в УПК РФ целесообразно допустить возложение подобных обязательств на подозреваемого, обвиняемого и в ходе процессуальной деятельности. Соблюдение ограничений и исполнение обязательств преследуемым лицом при производстве по делу может учитываться при назначении наказания как смягчающее обстоятельство. Для чего рационально внести изменения в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Еще один аспект. В соответствии с п. «б» ст. 44, ч. 2 ст. 45, ч. 1 ст. 47 УК РФ одним из видов наказаний (основным или дополнительным) является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Следует учитывать, что лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в запрете осуществлять как профессиональную, так и иную деятельность (педагогическую, врачебную, управление транспортом и т.д.) [10]. Необходимость подобных ограничений может стать очевидной не только при постановлении обвинительного приговора, но и при производстве по делу. В соответствии с ч. 1 ст. 114 УПК РФ допускается временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого (как иная мера процессуального принуждения). Однако изъятие документов, удостоверяющих право заниматься определенной деятельностью, в период до вступления приговора в законную силу российским процессуальным законодательством не предусмотрено.

Полагаем, что в случаях, когда это обусловлено обстоятельствами совершенного преступления, целесообразно по судебному решению устанавливать соответствующее ограничение уже в ходе производства по делу. В настоящий момент не подвергается сомнению, что принудительное воздействие, которое оказывается мерами пресечения, может быть связано не только с лишением или ограничением свободы, но также с поражением других личных и имущественных прав [12. С. 145].

В юридической литературе отмечается, что ряд иных мер процессуального принуждения (например, временное отстранение от должности) по ряду основных признаков необходимо включать в систему мер пресечения [4. С. 70]. Отстранение от должности (или запрет на определенные занятия) определяется в качестве меры пресечения в ст. 172 УПК Азербайджанской республики, ст. 254 УПК Латвии и др. Представляется, что выделение перечня «иных мер процессуального принуждения», применяемых к подозреваемому или обвиняемому (ч. 1 ст. 111 УПК РФ), главным образом, обусловлено «российским» вариантом установления «автономных» мер пресечения и требуется для предоставления правоприменителям полномочий на возложение дополнительных запретов и обязательств.

Принимая во внимание обеспечительный характер по отношению к постановлению и исполнению предполагаемого приговора и мер пресечения и ряда иных мер процессуального принуждения, учитывая зарубежный опыт их регламентации, считаем необходимым предложить в УПК РФ более оптимальную, чем ныне действующую, модель принудительного процессуального воздействия на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Она может включать: основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств.

Заключение

В качестве основных ограничений предлагаем закрепить:

- а) ограничение выезда из государства без разрешения органа, ведущего производство;
- б) ограничение свободы передвижения из населенного пункта по месту регистрации, жительства или нахождения (для военнослужащих – по месту несения службы) без разрешения органа, ведущего производство;
- в) ограничение физической свободы с нахождением в жилом помещении по месту проживания, т. е. домашний арест;
- г) лишение свободы с содержанием под стражей в местах предварительного заключения.

Дополнительными ограничениями (допустимо применять одно или несколько наряду с основными ограничениями или самостоятельно) могут стать: наложение ареста на имущество; временное отстранение от должности; временное изъятие документов, удостоверяющих право на определенную деятельность; временное изъятие паспорта и других документов, которые дают право на въезд и выезд из страны. В число дополнительных обязательств предлагаем включить следующие: не совершать новых преступлений; не препятствовать производству по делу; воздержаться от общения с определенными лицами или общаться с ними только с соблюдением условий; являться по каждому требованию в орган предварительного расследования и суд; являться в контролирующий орган с установленной периодичностью; сообщать об изменении своего местожительства и/или места работы; являться в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую или психиатрическую помощь для производства судебной экспертизы; не приближаться к определенным лицам; не посещать определенных мест; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; приложить усилия к поиску работы или учебы; носить электронное средство контроля.

Способами обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств предлагаем закрепить:

- 1) личное обязательство;
- 2) поручительство заслуживающих доверие лиц (в том числе по отношению к несовершеннолетним);
- 3) денежное обеспечение (залог);
- 4) контроль со стороны органов исполнительной власти, осуществляющих правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний (в том числе в отношении осужденных). Считаем, что первые три способа обеспечения могут использоваться при применении основных ограничений, обозначенных литерами «а» и «б», а также в случаях возложения дополнительных обязательств.

Четвертый способ может применяться при любых ограничениях и обязательствах. Модель является примерной; конкретные формулировки ограничений, обязательств и способов их обеспечения могут подлежать дальнейшей проработке в рамках специальных исследований.

Обозначенный подход должен стать основой для последующего разрешения вопросов, связанных с принуждением.

Полагаем, что в УПК РФ необходимо урегулировать сроки применения к подозреваемым, обвиняемым всех основных и дополнительных ограничений, а также отдельных дополнительных обязательств, определить справедливую формулу их зачетов исчисления между собой и в сроки наказания при его назначении по приговору суда. Использование предложенного варианта позволит оптимизировать процесс воздействия на подозреваемых и обвиняемых лиц в целях обеспечения их должного поведения и реализации угрожающего наказания.

Библиографический список:

1. Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений. М., 2005. 256 с.
2. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. 320 с.
3. Воронов Д.А. Домашний арест: современное состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 4. – С. 29–32.
4. Гапонова В.Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 194 с.
5. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Отрасли права РФ. URL: <http://отрасли-права.рф/article/20372> (дата обращения 12.11.16).
6. Головки Л.В. Необходимость применения организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. – 2012. – № 9. – С. 70–82.
7. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // РГ. – 2014.
8. Головки Л.В. Курс уголовного процесса. М., 2016. 1278 с.
9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста): Проект Федерального закона № 900722-6 // Автоматизированная система законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf> (дата обращения 05.12.16).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания // РГ. – 2015. – №295.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога // РГ. – 2013. - №294.
12. Булатов Б.Б., Баранов А.М. Уголовный процесс: учебник для вузов. Часть вторая. М., 2016. С. 252-253.
13. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 33 с.
14. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М., 2008. 320 с.

Бухтияров Артем Леонидович
Buhtiyarov Artyom Leonidovich

Студент

ФГБОУ ВО Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)

E-mail: bukhtiyarov.artem@mail.ru

Курбатов Евгений Викторович
Kurbatov Evgeny Victorovich

Студент

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

E-mail: bukkasof@yandex.ru

УДК 347.963

ОРГАНИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

THE ORGANIZATION AND EFFICIENCY OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE PROCEDURAL ACTIVITIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема организации и эффективности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Авторы отмечают дискуссионность проблемы изменения объема и содержания прокурорского надзора за деятельностью лиц, осуществляющих предварительное расследование, что вызвало противоречивые оценки как в науке, так и в правоприменительной практике. Выявлены основные направления, по которым должен осуществляться прокурорский надзор за органами предварительного расследования. В статье освещаются примеры из прокурорской практики, а также статистические данные.

Abstract. In the present article the problem of organization and efficiency of Prosecutor's supervision over the procedural activities of preliminary investigation bodies. The authors note the debatable issue of changing scope and content of the Prosecutor's supervision over the activities of persons conducting the preliminary investigation, which caused controversial in science, and in law enforcement. Identified key areas which must be carried out Prosecutor's supervision over the preliminary investigation. The article highlights examples of prosecutorial practices, and statistics.

Ключевые слова. Прокурорский надзор, прокурорская проверка, органы предварительного расследования, эффективность надзора, процессуальная деятельность, направления прокурорского надзора, досудебное производство.

Key words. Public Prosecutor's supervision, the Prosecutor's examination, the bodies of preliminary investigation, efficiency supervision, procedure, directions of public Prosecutor's supervision, pre-trial proceedings.

Актуальность темы состоит в том, что за последние годы в Российской Федерации произошло внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство и законодательство о прокуратуре РФ. В связи с этим, организация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия в досудебном производстве становится одним из приоритетных направлений. Изменение объема и содержания прокурорского надзора за деятельностью лиц, осуществляющих предварительное расследование, вызвало противоречивые оценки как в науке, так и в правоприменительной практике.

Степень научной проработанности. Поистине, бесценный вклад в изучение данного вопроса внесли многие ученые-юристы: Исаенко В.Н., Л.В. Головки, А.Н. Огородов, Е.Н. Бушковская, Т.А. Ермакова и другие. В научных трудах этих ученых исследованы вопросы соотношения процессуального положения прокурора и лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование, актуальные вопросы реализации полномочий прокурора в досудебном производстве. Вместе с тем нельзя считать завершенной дискуссию, касающуюся осуществления более эффективного прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования в целях обеспечения верховенства закона, а также основных прав и свобод человека и гражданина.

Прокурорский надзор является одним из видов властно-распорядительной деятельности, направленный на предупреждение, выявление и пресечение нарушений закона и основных принципов уголовно-процессуального права [5, с 1]. Принятие Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" и последующие изменения, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия" заметно сузили надзорные полномочия прокурора в отношении следователя, хотя при надзоре за дознавателем они остались практически неизменными [4, с. 388]. Прокурор фактически утратил право отменять незаконные и необоснованные решения следователя (за исключением постановления о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении, постановления о приостановлении уголовного дела и о его прекращении) и давать ему обязательные письменные указания по расследованию дела. Данные полномочия сохранились лишь в виде возможности обращаться к следователю через руководителя следственного органа, однако ни о какой обязательности таких обращений речь уже не идет. В то же время нельзя сказать, что прокурорский надзор за следователем был полностью упразднен. В отношении следствия за прокурором остались важные надзорные полномочия: а) по утверждению обвинительного заключения, б) возвращению уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, с) передаче уголовного дела от одного органа предварительного расследования другому в порядке п. 12 ч.2 ст. 37 УПК РФ, д) направление уголовного дела по подследственности.

Надзорные полномочия в отношении органов дознания значительно шире. Только с согласия прокурора дознаватель вправе возбудить ходатайство перед судом об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, а также прекратить уголовное дело. Прокурор вправе отстранять от производства расследования дознавателя в случае нарушения им норм УПК РФ, а также изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием основания такой передачи. Прокурор уполномочен разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы. Требования и указания прокурора о направлении расследования подлежат обязательному исполнению дознавателем.

Рассматривая данную тему необходимо раскрыть понятие процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя. Г. М. Ясинский считает, что «процессуальная самостоятельность органов предварительного расследования заключается в праве решать по своему внутреннему убеждению, основанному на материалах дела, и в соответствии с законом важнейшие вопросы на стадии досудебного производства. Процессуальная самостоятельность в то же время обязывает проявлять всемерную инициативу в деле обеспечения правильного направления расследования, своевременного производства необходимых следственных действий» [3, с 92]. Отличие состоит в разной степени зависимости органов предварительного расследования от органов, осуществляющих судебный контроль и прокурорский надзор.

Можно выделить следующие составляющие процессуальной самостоятельности органов предварительного расследования:

1. свобода в определении путей принятия решения, основанная на внутреннем усмотрении, в целях достижения задач уголовного судопроизводства;
2. гарантии законности и обоснованности решений и действий, принимаемых и производимых органами предварительного расследования;
3. действенный судебный контроль, прокурорский надзор и за законностью и обоснованностью принимаемых органами предварительного расследования процессуальных

решений и производимых им процессуальных действий;

4. персональная ответственность за законностью производства предварительного расследования, его своевременность и результаты.

После проведенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство полномочия прокурора в досудебном производстве стали носить надзорный характер [4, с. 389]. Данное полномочие законодатель определяет, как одно из приоритетных в организации деятельности прокуратуры. Для эффективной организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия, а также достижение поставленных задач необходимо выработать системные подходы, которые будут охватывать всю проверочную деятельность прокурора в данном направлении. Именно на это ориентированы организационно-распорядительные акты Генерального прокурора РФ.

Прокурорский надзор должен осуществляться на всех этапах досудебного производства, начиная с момента поступления сообщения о преступлении, и заканчивая направлением уголовного дела в суд [2, с. 380]. Анализируя приказы Генерального Прокурора РФ № 33 от 26.01.2017 "Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания" и № 826 от 28.12.2016 "Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия" можно сделать следующие выводы. Одним из важных аспектов осуществления прокурорского надзора в данном направлении является обеспечение своевременного направления копий процессуальных документов, которые в соответствии с УПК РФ подлежат учету и проверке органами прокуратуры. Руководствуясь Приказом Генерального прокурора № 189 от 27.11.2007 "Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве", прокурор должен занимать активную позицию при защите конституционных прав как потерпевших, так и лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Немаловажным в организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования является рассмотрение жалоб на действия(бездействие) органов предварительного расследования. В информационном письме Генеральной прокуратуры № 26-6-2014 отмечено возрастание количества жалоб статистика на действия и бездействие органов дознания и следствия, в частности, при принятии, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях [1.с 39]. Это является поводом для более обстоятельного изучения деятельности органов предварительного расследования при проведении прокурорских проверок.

Анализ вышеуказанных нормативных актов позволил выявить основные направления, по которым должен осуществляться прокурорский надзор за органами предварительного расследования. В отношении следствия можно выделить: обеспечение исполнения законов при поступлении, учете и регистрации сообщений о преступлениях; выявление незаконных и необоснованных процессуальных решений (о возбуждении уголовного дела, об отказе о возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела), в случае чего выносить мотивированное решение об их отмене; осуществлять надзор за соблюдением сроков исполнения требований прокурора (о предоставлении копий постановлений, материалов уголовного дела), в случае их нарушения применять меры прокурорского реагирования; освободить лиц, незаконно задержанных или лишенных свободы на основании ч. 2 ст. 10 УПК РФ; своевременное реагирование на факты нарушения требований УПК РФ о всесторонности, полноте и объективности производства расследования, соблюдение прав потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и других участников уголовного процесса с использованием всего комплекса мер прокурорского реагирования.

Полномочия по надзору за дознанием несколько шире, нежели за следствием, поэтому помимо упомянутых направлений можно выделить и другие: осуществление постоянного контроля за ходом производства дознания; своевременная передача в органы следствия уголовных дел, по которым проведение предварительного следствия обязательно; обеспечение постоянного надзора за исполнением требований и указаний прокурора; получение полной и достоверной информации о состоянии органов дознания с целью анализа данных сведений и дальнейшего планирования прокурорских проверок; обеспечение эффективного надзора за процессуальной деятельностью органов дознания при проведении дознания в сокращенной форме.

Для более обстоятельного анализа организации и эффективности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования обратимся к делам из прокурорской практики, а также к статистическим данным.

Примером может послужить материал из прокурорской проверки от 07.04.2017 года. Щёлковская городская прокуратура проверила законность решения отдела дознания МУ МВД России «Щёлковское» о возбуждении уголовного дела о незаконном обороте оружия. В результате проверки доводов заявителя и проведенных следственных действий было возбуждено уголовное дело по ст. 222 УК РФ. Ход предварительного расследования находится в Щёлковской городской прокуратуре на контроле [7].

Пушкинская городская прокуратура отменила постановление Следственного отдела о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и возвратила материалы в следственный орган для проведения дополнительной проверки. Прокурорская проверка показала, что основанием для возбуждения уголовного дела послужило сообщение СМИ.

Следователем была нарушена ч.1 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которой он обязан проверить сообщение о преступлении и принять по нему решение. Проверка по сведениям не была проведена, материалы не истребованы.

Постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела было обжаловано в областную прокуратуру, в удовлетворении доводов следствия отказано [7].

Прокурор Орловского района признал незаконным возбуждение уголовного дела следователем МСО СУ СК России по Орловской области в отношении лица по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В ходе проведения прокурорской проверки установлено, что возбуждение уголовного дела является незаконным, поскольку при проведении процессуальной проверки следственными органами не была дана должная оценка факту наличия у лица психического заболевания в форме органического расстройства личности.

В настоящее время незаконное постановление следователя о возбуждении уголовного дела прокурором отменено, материалы дела возвращены для принятия законного и обоснованного решения [6].

Таблица 1

Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства [8]

		2016	2017	% (+;-)
Всего выявлено нарушений законов		2 980 937	3 094 633	3,8
В том числе	при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	2 211 294	2 276 718	3,0
	при производстве следствия и дознания	768 083	817 915	6,5
Направлено требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ		153 437	163 855	6,8
Направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ		22 550	3 478	-84,6
Возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ		18 679	2 736	-85,4
Внесено представлений и информации об устранении нарушений		52 063	52 054	-0,0
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности		94 185	101 614	7,9
Отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела		12 013	10 371	-13,7
Отменено прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела		1 423 245	1 399 559	-1,7

Отменено постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)	16 978	17 721	4,4
Отменено прокурором постановлений о приостановлении предварительного расследования	263 953	258 494	-2,1

Заключение

Организация и эффективность надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, прокуратурой выражается в реально достигнутом уровне задач, стоящих перед прокурором и направленных на достижение главной цели - укрепление законности на данном участке прокурорского надзора. На основе приведённых примеров из прокурорской практики можно сделать вывод, что прокуратура действует результативно, Основные усилия сосредоточены, в частности, на своевременном выявлении и предупреждении процессуальных нарушений на данном участке средствами прокурорского надзора, установлении и устранении их причин и условий.

Полагаем, что подобные процессуальные нарушения законодательства лицами, осуществляющими предварительное расследование, подрывает принцип верховенства закона, нарушает общественный порядок, ослабляет экономическое развитие и разрушает доверие общества к власти, в целом, и государственным органам, в частности. Это требует надлежащей организации работы прокурора и всеобъемлющего характера использования соответствующих методик, координации деятельности различных отраслей прокурорского надзора.

Библиографический список:

1. Исаенко В.Н. «Прокурорский надзор за соблюдением законов в оперативно-розыскной деятельности и в досудебном производстве» Москва: «Юрлитинформ», 2017 С. 200.
2. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса под. ред. Л.В. Головкин. Москва: «Статут», 2016. С. 734.
3. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и сущность//Сибирский юридический вестник: №3(70) – 2015. С 5.
4. Организация предварительного расследования проблемы и перспективы//Академия Следственного комитета РФ//Москва: «Юнити», 2015. С. 512.
5. Бушковская Е.Н. Некоторые вопросы реализации полномочий прокурора в досудебном производстве//Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал// №2 -2010. С. 3.

Электронный ресурсы

6. www.prokuratura-orel.ru [Электронный ресурс]//URL: <http://www.prokuratura-orel.ru>
7. [Mosoblproc.ru](http://mosoblproc.ru) [Электронный ресурс]//URL: <http://mosoblproc.ru>
8. [Genproc.gov.ru](http://genproc.gov.ru) [Электронный ресурс]//URL: <http://genproc.gov.ru/stat/dat>

Лебедева Анна Владимировна
Lebedeva Anna Vladimirovna

бакалавр 4 курса направления подготовки «Социальная работа»

МГУ им. Н. П. Огарёва

Саранск, Республика Мордовия

E-mail: Ltbt1997@mail.ru

УДК 343.8

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

SOCIAL WORK IN THE PRISON SYSTEM

Аннотация: В статье анализируется понятие «пенитенциарная система». Рассматриваются основные цели и задачи социальной работы с осужденными и бывшими осужденными в пенитенциарной системе.

Abstract: The article analyzes the concept of the «penitentiary system». Focuses on the basic objectives and tasks of social work with prisoners and former prisoners in the penitentiary system.

Ключевые слова: пенитенциарная система, социальная работа, осужденные, задачи и цели.

Keywords: the prison system, social work, offenders, goals and objectives.

Пенитенциарная система – государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом. Обеспечивает исполнение наказаний не связанных с лишением свободы и связанных с лишением свободы, а также содержание подследственных с момента заключения под стражу до суда. Одним из важнейших направлений деятельности современной пенитенциарной системы по восстановлению социальной справедливости, наряду с карательной функцией, является профилактика рецидива.

Особенности социальной работы в данной системе состоят в том, что ее объектом являются лица с высоким индексом социального неблагополучия и повышенной стрессогенностью; она не должна прекращаться с окончанием исполнения наказания, т. к. бывший осужденный нуждается в реабилитации и адаптации к внешнему миру, его нормам и правилам; социальный работник является посредником между гражданином, отбывающим (отбывшим) наказание и властью, его родственниками и обществом в целом.

Основные задачи социальной работы с заключенными:

- прием и изучение новоприбывших осужденных;
- определение причины его правонарушения;
- разработка исправительных мер, развитие и укрепление социально-полезных связей между заключенными и внешним миром;
- помощь в самоисправлении и подготовка их к освобождению и ресоциализации;
- работа с семьями заключенных, психологическая помощь в подготовке к встрече с отбывшим срок заключения членом семьи;
- содействие в социально-правовой защищенности осужденного и другое.

Социальной работе как виду деятельности присущи специфические черты, которые имеют большое значение для работы в пенитенциарной системе. Среди них умение рассматривать клиента как часть общественной системы; акцентирование контактов с окружением клиента, со всеми, кто может помочь в выявлении проблемы и поисках ее решения; организация комплексного подхода и координации усилий различных специалистов и служб при работе с клиентом; знание возможностей общества в решении проблем клиента. Особую ценность представляет методика работы с клиентом и т. д. [2,376].

Цели социальной работы в условиях пенитенциарной системы заключаются прежде всего в оказании помощи заключенным:

- в осознании необходимости изменения своей судьбы. Установление с этой целью плодотворных и содержательных отношений с клиентами, проведение диагностической подготовки;
- в анализе своих противоправных поступков и потребностей;
- в коррекции поведения, особенно в связи с проблемами тюремного быта;

– в привитии навыков поведения в других жизненных ситуациях, например умения принимать ответственные решения;

– в решении административных и финансовых вопросов. Социальная работа занимает особое место среди других видов воздействия на заключенных. В Уголовно-исполнительном Кодексе РФ выделяются пять основных направлений исправления и перевоспитания заключенных [1]:

– режим отбывания наказания – система правоограничений и дополнительных обязанностей, возложенных на осужденного, которая направлена на достижение целей наказания;

– общественно-полезный труд – выступает в качестве обязанности осужденного и права лица, содержащегося под стражей;

– воспитательная работа: к ней относятся культурно-воспитательная, духовно-воспитательная работа, а также самовоспитание;

– общеобразовательная подготовка;

– профессиональная подготовка;

– оперативная деятельность – направленная на раскрытие совершенных и предотвращение готовящихся преступлений.

Каждое из этих направлений включает в себя компоненты социальной работы. Однако социальную работу необходимо рассматривать и как самостоятельное направление деятельности, не являющееся средством исправления и перевоспитания заключенных, но обеспечивает успешное развитие этих процессов.

Библиографический список:

1 Уголовно-исполнительный кодекс РФ: кодекс от 08. 01. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29. 07. 17 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/.

2 Холостова Е. И. Социальная работа: история, теория и практика : учебник / Е. И. Холостова. – М. : Юрайт, 2011. – 905 с.

Габитова Венера Альфредовна**Gabitova Venera Alfredovna**

Магистрант

Башкирский государственный университет,

Стерлитамакский филиал

E-mail: venerochka0409@yandex.ru

УДК 34

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ЗА
НАРУШЕНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****ON THE ISSUE OF RESPONSIBILITY OF FOREIGN CITIZENS FOR VIOLATIONS OF
LEGAL ACTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE LEGAL STATUS IN THE RUSSIAN
FEDERATION**

Аннотация: в статье анализируются особенности видов ответственности иностранных граждан, на время их пребывания в Российской Федерации, которые в свою очередь следуют из определенных особенностей их правового статуса.

Summary: in the article features of types of responsibility of foreign citizens, for the period of their stay in the Russian Federation, which in turn follow from certain features of their legal status.

Ключевые слова: иностранный гражданин, административное выдворение, въезд иностранного гражданина, учет, правовой статус.

Keywords: foreign citizen, administrative expulsion, entrance of the foreign citizen, account, legal status.

Иностранные граждане, совершившие преступление, административное или иное правонарушение на территории Российской Федерации, несут ответственность на общих основаниях наравне с гражданами Российской Федерации.

Вместе с тем для отдельных категорий иностранных граждан, на время их пребывания в Российской Федерации, установлены определенные особенности их правового статуса, из которых вытекают и особенности их ответственности.

Так, сотрудники дипломатических представительств и члены их семей пользуются иммунитетом и другими преимуществами, установленными нормами международного права, вследствие чего юрисдикция Российской Федерации на них не распространяется. Некоторые категории иностранных граждан подчинены юрисдикции российского государства в определенных пределах. Это, прежде всего, лица, обладающие консульским иммунитетом, которые пользуются личной неприкосновенностью, освобождаются от юрисдикции государства пребывания в вопросах, связанных с их служебной деятельностью. Однако они подчинены юрисдикции страны пребывания в случае подачи на них иска о возмещении вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием [1, с. 263-266].

Кроме того, такие категории иностранных граждан, как члены экипажей самолетов и морских судов, военнослужащие, находящиеся в Российской Федерации по долгу службы, не подчиняются юрисдикции российского государства за незаконные действия, совершенные ими при исполнении служебных обязанностей. Во всех остальных случаях названные категории иностранных граждан во время их пребывания в Российской Федерации несут ответственность на общих основаниях.

Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства режима пребывания в Российской Федерации, установленного Федеральным законом от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а также Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», влечет за собой применение мер административного наказания, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. К числу таких мер административного

наказания относятся: предупреждение, штраф, конфискация орудий совершения и предметов административного правонарушения, административное выдворение [2].

Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства заключается в принудительном и контролируемом перемещении указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, - в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации.

Административное выдворение предусматривается:

- за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации лицами и (или) транспортными средствами либо нарушение порядка следования таких лиц и (или) транспортных средств от Государственной границы Российской Федерации до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации и в обратном направлении (статья 18.1 КоАП);
- за нарушение правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (ст. 18.8 пп. 1 и 2 КоАП);
- за осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу (ст. 18.10 КоАП), а также за правонарушения, предусмотренные ст. ст.18.11, 18.17, 19.27 КоАП Российской Федерации [3];

Административное выдворение за пределы Российской Федерации как меру административного наказания вправе устанавливать и назначать:

- судья;
- начальник федерального органа исполнительной власти по пограничной службе, его заместитель; коменданты пограничных комендатур;
- командиры подразделений пограничного контроля; начальники пограничных застав и др.;
- начальники управлений (отделов) внутренних дел и приравненных к ним органов внутренних дел, их заместители;
- руководитель федерального органа исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, его заместитель;
- руководители территориальных органов и руководители структурных подразделений указанного федерального органа исполнительной власти.

Административное выдворение иностранного гражданина за пределы Российской Федерации осуществляется за счет средств выдворяемого иностранного гражданина, а в случае предусмотренных федеральным законом за счет средств пригласившего его органа. Если установление приглашающей стороны невозможно, мероприятия по административному выдворению иностранного гражданина за пределы Российской Федерации являются расходными обязательствами Российской Федерации.

Отдельными федеральными законами, которыми устанавливаются те или иные правовые режимы пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, предусматривается принудительная высылка в форме депортации. Депортация применяется к иностранным гражданам в случае утраты или прекращения законных оснований для их дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации [4, с. 162-166].

Федеральное законодательство предусматривает возможность депортации иностранных граждан и лиц без гражданства в случаях, если:

1. законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин или лицо без гражданства не соблюдают установленный компетентным государственным органом срок проживания или пребывания в Российской Федерации.
2. законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин или лицо без гражданства создают угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, и в целях защиты конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц, и в отношении них принято решение, о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации;
3. иностранный гражданин или лицо без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, не покинули территорию Российской Федерации в срок,

установленный уполномоченным на том федеральным органом исполнительной власти или его территориальным органом.

Государственными органами, уполномоченными принимать решения о депортации, в первом и во втором случаях является федеральный орган исполнительной власти, ведающий вопросами внутренних дел или его территориальный орган; в третьем случае таким органом является федеральный орган исполнительной власти, ведающий вопросами в сфере миграции или его соответствующий территориальный орган.

Указанные во всех трех случаях иностранные граждане и лица без гражданства, в связи с допущенными ими на территории Российской Федерации соответствующими правонарушениями, которые не относятся к категории мер административного наказания, лишаются права в течение пяти лет обращаться за получением разрешения на въезд в Российскую Федерацию.

Библиографический список:

1. Темников Д.А., Никулина И.А., Суло Е.А. К вопросу правового статуса иностранных граждан в российской федерации // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. М., 2015.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" в редакции от 17.04.2017 N 77-ФЗ. // URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.05.2017).

3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2017) // URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.05.2017).

4. Горпинченко О.А., Лелявин Д.В. Конституционно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в российской федерации // Парадигмальные основания государственного управления: сравнительный анализ опыта регионов стран СНГ. М., 2015.

Скибенко Яна Григорьевна
Skibenko Yana Grigorievna
студентка РГЭУ (РИНХ)
E-mail: yanaskibenko@mail.ru

Шафиева София Ильдаровна
Shafieva Sofia Ildarovna
студентка РГЭУ (РИНХ)

УДК 343.9

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

JUVENILE DELINQUENCY IN THE HISTORY OF RUSSIAN CRIMINOLOGY

Аннотация: Целью настоящей статьи является рассмотрение имеющихся исследований преступности лиц несовершеннолетнего возраста в истории российской криминологической науки. В основу написания данной статьи легли общенаучные методы познания: системный анализ, обобщение, аналогия, системный подход. Отмечено, что в итоге проведенной работы многих поколений криминологов, ученых в области уголовного права и процесса, постепенно сформировались современные представления о преступности и ее различных структурных составляющих, которые находят свое отражение в действующем уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве и соответствующей практической деятельности.

Abstract: The purpose of this paper is to consider the available studies of delinquency of minors in the history of Russian criminology. The paper is based on general scientific methods of cognition: systems analysis, generalisation, analogy, and systemic approach. It is noted that as a result of work of many generations of criminologists, scholars in the field of criminal law and process, modern perceptions of crime and its various structural components were gradually formed which are reflected in the current criminal, criminal procedural, and penal law as well as corresponding practical activities.

Ключевые слова: преступность, преступность несовершеннолетних, несовершеннолетний, криминология, криминализация несовершеннолетних.

Keywords: crime, juvenile delinquency, juvenile, criminology, criminalisation of minors.

Освещая преступность как сложнейшее социальное явление, хотелось бы особо отметить, что такая разновидность преступности, как преступность среди несовершеннолетних, всегда вызывала, и вызывает у ученых различных областей повышенное внимание и интерес [2,17]. И это вполне обоснованно, так как молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, свидетельствуют о существующих серьезных недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества. Так же в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом. Хочется отметить, что в своих работах Г.М. Миньковский под понятийной характеристикой молодежи, как членов общества, находящихся в процессе формирования социально-значимых черт, свойств, а также связей личности, обуславливает включение в это понятие возрастов от 14 – 16 до 25 – 30 лет. Вместе с тем автором предлагается и более детальная классификация, исходя из того что характеристики членов общества значительно изменяются от нижней до верхней возрастной границы молодежи. Также Г.М. Миньковский полагает целесообразным выделение следующих групп: 14 – 17-летние (ранняя юность, несовершеннолетние), 18 – 21-летние (юность), 22 – 25-летние (молодые взрослые, начало периода), 26 – 29-летние (молодые взрослые (завершение периода) [5,53].

А.И. Долгова указывает на то, что выделение преступности несовершеннолетних позволяет более глубоко изучать ее особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры специального ее предупреждения. Не учитывать

криминологически значимых особенностей преступности несовершеннолетних – значит не обеспечивать целенаправленный и дифференцированный подход к борьбе с ней [4,69]. Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что преступность несовершеннолетних обладает рядом специфичных, присущих только ей, характеристик, свойств и черт. Их выделение, детальное рассмотрение, исследование предоставит реальные возможности для выработки наиболее эффективных, своевременных мер предупреждения исследуемого нами вида преступности.

При рассмотрении преступности несовершеннолетних следует иметь в виду ее целостность как сложного, системно-структурного социального явления, а также диалектическую взаимосвязь и взаимодействие разных ее подвидов (подростков 14 – 15 лет, 16 – 17 лет, гендерного различия).

Надо сказать, что несовершеннолетние преступники — это лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте. Они, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности.

В узком понимании под преступностью несовершеннолетних можно рассматривать преступления, совершаемые лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в силу разных причин такое ограничение возраста весьма условно.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, которая развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели, а также иные категории.

Правовая культура и соционормативная система регуляции общества на выявление факторов и обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

По мнению А.И. Долговой, преступность несовершеннолетних представляет собой особый объект криминологического исследования, который рассматривается со следующих позиций:

1) общеправовых, как предусмотренность специальных глав в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах, содержащих особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, расследования данной категории дел, а также назначения и его исполнения;

2) криминологических, как специфика:

а) преступлений несовершеннолетних (виды, формы, мотивы);

б) личности несовершеннолетнего (т.е. незначительный возраст и период ее формирования, ограниченная дееспособность, динамика содержания социально-ролевых и социально-психологических функций);

в) комплекса причин и условий преступности;

г) результативности мер специального профилактического воздействия [3,264].

Негативные процессы, сопровождающие социально-экономические, политические и другие изменения в России, вызвали обострение криминальной ситуации. Под воздействием макро- и микросреды и происходят заметные количественные и качественные изменения преступности несовершеннолетних – основы для воспроизводства общей преступности.

Процессы становления и развития рыночной экономики, демократизации государственной и общественной жизни непосредственно отразились на криминологической обстановке в среде несовершеннолетних.

Преступность среди несовершеннолетних вызывает повышенное общественное внимание, и это вполне обоснованно, т.к. она является своеобразным индикатором социальной ситуации в стране.

Этот вид преступности чрезвычайно чутко реагирует на состояние общества. Рост преступности несовершеннолетних, как правило, свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах.

Анализ преступности несовершеннолетних, с одной стороны, это результат выявления криминогенных факторов в социуме, а с другой — база для прогноза преступности в целом.

К сожалению, криминализация несовершеннолетних — это криминализация будущего нашей страны. По процессам, происходящим в детской и молодежной среде, мы с большой долей вероятности можем судить о том, каким будет наше общество в перспективе, в том числе какой будет преступность.

Помимо исследовательских и прогностических аспектов изучения преступности несовершеннолетних есть еще один — гуманитарный [1,105]. Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп населения. Такое направление воздействия, как профилактика преступности в смысле защиты от нее, защиты от поражения социальных групп «криминальным вирусом», имеет наибольшее значение именно применительно к несовершеннолетним. Уровень криминальной пораженности данной части населения в современный период весьма высокий.

Надо сказать, что специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, специфике социального статуса [6,303].

Установление подобных специфических черт, обуславливающих правонарушающее поведение лиц несовершеннолетнего возраста, особенности их качественных и количественных параметров, их анализ являются фундаментом для разработки мер предупреждения, ориентированных исключительно на применение в отношении исследуемой возрастной группы.

Нам представляется, что на сегодняшний день в подавляющем большинстве случаев несовершеннолетние преступники — это лица с имеющимися стойкими стереотипами, склонностями к антиобщественному, противоправному, преступному поведению. Преступность несовершеннолетних представляет собой социально-правовое, негативное, общественно опасное, исторически обусловленное, устойчивое явление. Преступность несовершеннолетних — это система преступлений, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия (восемнадцати лет), на определенной территории, а также за определенный период времени. В условиях современной демографической ситуации в Российской Федерации данный социально-негативный феномен обладает повышенной общественной опасностью, исходя из того, что именно несовершеннолетние лица являются основным кадровым резервом пополнения рядов взрослой, а также рецидивной преступности.

Библиографический список:

1. Демидова-Петрова Е. В. На криминологическом семинаре // Правоведение. — 1981. — № 2. — С. 105-106.
2. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова. — СПб., 1998.
3. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. — М., 2010. — С. 890.
4. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2010. — С. 889.
5. Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР: автореф. ... док-ра. юрид. наук / Г.М. Миньковский. — М., 1972.
6. См.: Алексеев А.И. Криминология. — М., 1998.

Скибенко Яна Григорьевна
Skibenko Yana Grigorievna
студентка РГЭУ (РИНХ)
E-mail: yanaskibenko@mail.ru

Шафиева София Ильдаровна
Shafieva Sofia Ildarovna
студентка РГЭУ (РИНХ)

УДК 34

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE REGULATORY FUNCTION OF CIVIL LIABILITY

Аннотация: Статья посвящена исследованию регулятивной функции гражданско-правовой ответственности. Проведен анализ регулятивной функции в гражданском праве и юридической ответственности. Дано понятие и определена сущность регулятивной функции гражданско-правовой ответственности. Проанализированы нормы гражданского права, посредством которых осуществляется регулятивная функция.

Abstract: The article investigates the regulatory function of civil liability. The regulatory functions in civil law and legal liability are analyzed. Given the concept and defined the essence regulatory function of civil liability. The civil law, which is being realized through the regulatory functions are analyzed.

Ключевые слова: регулятивная функция, юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность.

Key words: regulatory function, legal liability, civil liability.

В современной цивилистике вопрос о функциях гражданского права является достаточно дискуссионным. Среди исследователей нет единого мнения как относительно понятия и сущности функции гражданского права, так и относительно того, какие функции присущи гражданско-правовой отрасли. В частности, вопрос о функциях гражданско-правовой ответственности можно считать мало исследованным.

В связи с этим представляется необходимым определить сущность и виды функций гражданско-правовой ответственности. Настоящая работа является попыткой очертить основные цивилистические подходы к пониманию сущности регулятивной функции гражданско-правовой ответственности.

Употребление термина «функция» применительно к праву отличается от его использования в иных специальных областях знания. Поскольку право представляет собой систему отраслей, то за основу понимания функции гражданско-правовой ответственности необходимо взять общетеоретическое определение функции права.

В юридической науке понятие «функция» характеризует социальную роль государства и права [4,87]. По мнению М. И. Байтина, функция права «есть наиболее существенное направление и стороны его воздействия на общественные отношения, в которых раскрываются общечеловеческая и классовая природа, а также социальное назначение права... Для выделения основных и иных общих функций права служит двуединый критерий, включающий в себя две стороны воздействия права на общественные отношения – его характер и цель» [3,168].

Функции гражданского права имеют свою специфику, обусловленную предметом отрасли. Согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных

организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Регулятивная функция гражданского права проявляется в установлении особых правил поведения для субъектов гражданских правоотношений. Такие правила содержатся в законах, подзаконных актах, а также могут быть установлены соглашением сторон и закреплены в договорах либо следовать из судебного акта.

Е. А. Суханов указывает, что «регулятивная функция гражданского права заключается в предоставлении участникам регламентируемых отношений возможностей их самоорганизации, саморегулирования» [6,48].

При этом регулятивная функция, как известно, проявляется в динамике и в статике. Регулятивная статическая функция воздействует на правовые отношения путем их закрепления в тех или иных правовых институтах, а регулятивная динамическая функция проявляется в оформлении их движения. Она воплощена, например, в институтах гражданского права, опосредствующих хозяйственные процессы в экономике и оформляющих процесс распределения производимых продуктов [1,193].

Функции юридической ответственности являются частью функций права. Большинство ученых склоняются к выделению следующих функций юридической ответственности, приобретающих доминирующее значение: репрессивно-карательной (штрафной), предупредительно-воспитательной (превентивной) и правосстановительной (компенсационной) [5,212].

Интересна точка зрения А. А. Иванова, который к функциям юридической ответственности относит: защиту правопорядка, штрафную и карательную функции (наказание виновного), а также функцию исправления и перевоспитания лица, совершившего правонарушение (частная и общая превенция правонарушений), правосстановительную и сигнализационную функции [7,67].

Гражданско-правовая ответственность, являясь частным проявлением юридической ответственности, осуществляет и общие с ней функции в рамках предмета гражданского права.

Функции гражданско-правовой ответственности как основные направления воздействия на общественные отношения многообразны. К ним относятся: регулятивная, компенсационная, штрафная, воспитательная, пресекательная, обеспечительная функции.

Регулятивная функция юридической ответственности призвана закрепить, упорядочить и оформить динамику общественных отношений. Она отражает и формирует стержень, основу юридической ответственности. Без регулятивной функции юридической ответственности не возможна реализация других функций [9,40].

Регулятивная функция гражданско-правовой ответственности устанавливает в нормах права как дозволенный, так и запрещенный вариант поведения, а также правовые последствия, которые могут наступить в случае совершения правомерных и противоправных действий. Как отмечает М. И. Байтин, «по характеру воздействия на общественные отношения у права выступает на передний план главная, определяющая смысл его существования как особой нормативной системы функция правового регулирования...» [2,13].

При этом любая функция ответственности имеет свои цель, сферу влияния, а также метод реализации. В реальной жизни они, безусловно, пересекаются, что детерминировано консолидированным системным воздействием юридической ответственности на общественные отношения. Действуя системно, каждая функция юридической ответственности (и гражданско-правовой ответственности в частности) уже становится обладателем нового качества, которого нет у отдельно взятой функции юридической ответственности.

Регулятивная функция гражданско-правовой ответственности направлена на недопущение противоправного поведения. А если все-таки противоправное поведение имело место, то регулятивная функция определяет основания возникновения ответственности и правовое положение правонарушителя.

Например, ст. 8 ГК РФ среди прочих оснований возникновения прав и обязанностей называет причинение вреда другому лицу, неосновательное обогащение.

Кажется, что при таких основаниях возникают только штрафная, компенсационная и воспитательная функции, но, например, опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность (ст. 1065 ГК РФ). Таким образом, вреда нет, противоправности нет, а правоотношения возникают и регулируются. В этом

примере регулятивная функция переплетается с превентивной, не допуская возникновения противоправного последствия.

При неосновательном обогащении, например, приобретатель отвечает перед потерпевшим за всякие, в том числе и за всякие случайные, недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, происшедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. До этого момента приобретатель отвечает лишь за умысел и грубую неосторожность (ст. 1104 ГК РФ). Таким образом, регулятивная функция гражданско-правовой ответственности определяет, что приобретатель должен придерживаться такого поведения, при котором неосновательно приобретенное или сбереженное имущество будет находиться в сохранности. Если же приобретатель не обеспечит сохранность имущества, то подвергнется воздействию штрафной функции и будет обязан возместить не только стоимость имущества, но и убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества (ст. 1105 ГК РФ).

Таким образом, регулятивная функция гражданско-правовой ответственности – это направление воздействия гражданско-правовой ответственности на общественные отношения посредством определения основания возникновения ответственности и правового положения правонарушителя.

Библиографический список:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
2. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.
3. Байтин М. И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М., 2005. 544 с.
4. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
5. Головастикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. пособие. М., 2008. 743 с.
6. Гражданское право: Общая часть: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2007. Т. 1. 720 с.
7. Иванов А. А. Цели юридической ответственности, ее функции и принципы // Государство и право. 2003. № 6. С. 66–69.
8. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избр. труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. Т. 1. 574 с.
9. Карманова Е.В. Соотношение регулятивной и карательной функций юридической ответственности // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Тольятти, 11–12 окт. 2013 г.). Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. С. 39–44.

Железняк Андрей Львович
Zheleznyak Andrey L'vovich

Международный институт экономики и права

E-mail: andrei.zhelezniack@yandex.ru

УДК 343.535

ЮРИДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН

THE LEGAL CRITERIA FOR BANKRUPTCY CITIZENS

Аннотация: В настоящей статье исследованы юридические критерии банкротства граждан, проанализированы основные причины несостоятельности физических лиц, выявлены основные проблемы, которые возникают у граждан при процедуре банкротства, внесены предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract: This article explores the legal criteria for the bankruptcy of citizens, analyzed the main causes of insolvency of individuals, and identified the main problems that arise in citizens in the bankruptcy procedure, made proposals for improving legislation.

Ключевые слова: банкротство, физические лица, юридические критерии.

Keywords: bankruptcy, individuals, legal criteria.

Возможность объявить себя несостоятельным должником появилась у обычных граждан с 2015 года. Раньше эта процедура допускалась только в отношении организаций. При этом часто возникает вопрос, какие признаки банкротства устанавливает закон для физических лиц, особенно, если они обладают статусом индивидуальных предпринимателей.

Суть объявления человека банкротом состоит в том, что устанавливается и признается факт того, что он не в состоянии выполнить перед кредиторами взятые на себя обязательства. Вследствие этого долг с него списывается безусловно, или с применением реструктуризации. Причина создавшегося положения не имеет значения. Понятие и признаки банкротства определяются размером задолженности, наличием имеющейся по факту собственности, денежных средств и периодом просрочки обязательных платежей [3, с. 66].

По закону, как сам должник, так и кредиторы, имеют право инициировать процедуру. В первом случае человеком движет желание избавиться от неподъемных выплат, во втором — намерение кредитных организаций погасить хотя бы часть долгов за счет имущества заемщика. Однако у банкротства есть свои последствия.

Закон определяет два вида критериев, на основании которых человека можно признать несостоятельным должником.

Гражданин обязан заявить об этом при возникновении 2-х обстоятельств одновременно, не позже 30 дней с момента их выявления.

Когда суммарная задолженность достигла 500 тыс. рублей, даже если ее часть возникла в процессе предпринимательской деятельности, а срок неоплаты составляет 3 месяца и больше. В размере долга не учитываются штрафы и пени.

Погашение долгов перед одним кредитором влечет за собой невозможность выплат другим заинтересованным лицам.

Человек имеет право добровольно подать заявление в суд, представив очевидные признаки банкротства физического лица. Это значит, что на момент обращения он неплатежеспособен, и у него есть основания думать, что в ближайшем будущем положение не изменится. В этом случае он должен доказать обстоятельства документами [2, с. 47].

Применение законодательных норм осложняет двойственное положение гражданина, зарегистрированного как ИП. Он отвечает по долгам, как известно, всем своим имуществом, и при

этом чаще всего оформляет потребительский кредит на развитие бизнеса. Положения закона предусматривают освобождение заемщика от частных, а не производственных долгов.

В этом случае понятие и признаки банкротства остаются прежними, но возникает задача доказать/опровергнуть, что деньги были использованы по назначению, то есть в личных целях. Она возлагается на инициатора процедуры. До начала предприниматель обязан опубликовать свое намерение в Федеральном реестре ([ba№krot.fedresurs.ru](http://ban.krot.fedresurs.ru)). Если статус ИП утрачен до возникновения обстоятельств — разбирательство проще, после подачи заявления — рассматривается все, включая признаки банкротства индивидуального предпринимателя.

Добровольное обращение гражданина с просьбой о признании его несостоятельным. Обязательная подача должником заявления в суд при определенных условиях. Инициирование банкротства кредитной (иной) организацией, физическим лицом [5, с. 53].

Решение принимает арбитражный суд, если на основании заявления приходит к выводу, что имеются признаки банкротства физического лица.

Во всех случаях к заявлению прилагаются документы, подтверждающие фактическое положение дел:

1) ИНН, свидетельства о браке, рождении детей, о присутствии других лиц на иждивении.

2) Выписка ФНС из государственного реестра ИП, с датой выдачи не ранее 5 дней назад, о наличии/отсутствии статуса индивидуального предпринимателя

3) Опись имущества в наличии (акции, машины, недвижимость), справки с банковских счетов, сведения о правах на интеллектуальную собственность.

4) Список кредиторов и лиц, которые имеют долги перед заявителем.

Даже когда признаки банкротства гражданина налицо, суд может принять решение о том, что имеется возможность оплаты, если долг реструктуризировать долг. Это делается по желанию физического лица, инициативе кредиторов или по усмотрению судьи. Обычно такая ситуация складывается при подозрении на фиктивность возбуждаемой процедуры, сокрытие имущества или банковских счетов.

Порядок предусматривает выбор и назначение финансового управляющего, составление планового графика выплат, ограничения в проведении сделок с недвижимостью, другой собственностью. Период устанавливается в 3 года, и может быть продлен по решению суда.

Таким образом, признаки банкротства нужно не только обосновать, но в некоторых случаях и доказать их неисправимый характер.

Причинами несостоятельности физических лиц может быть множество факторов. Среди них можно различать внутренние причины, тесно связанные с личностью должника (членов его семьи). К примеру, гражданин, имеющий по среднестатистическим меркам высокие доходы, может набрать большое количество кредитов, но не предусмотреть в будущем разрыв брака или несчастный случай (повлекший частичную или полную утрату трудоспособности).

Также к внутренним причинам можно отнести: алименты, компенсации по возмещению за причинение вреда жизни и здоровью, обязательства, возникшие вследствие уничтожения или повреждения имущества другого лица и (или) возникшие в результате привлечения гражданина к юридической ответственности. Внешние причины возникают независимо от действий должника. К ним можно отнести: инфляцию, изменение ключевой ставки Банка России, банковских процентных ставок и условий кредитования, налоговых ставок, изменение условий в отношении собственности и аренды, в законодательстве о труде и другие [4, с. 498].

К юридическим критериям банкротства относится суммарная задолженность, которая достигла 500 тыс. рублей, даже если ее часть возникла в процессе предпринимательской деятельности, а срок неоплаты составляет 3 месяца и больше. В размере долга не учитываются штрафы и пени.

В настоящее время далеко не все граждане готовы подать заявление на признание себя банкротами. Прежде всего, это происходит в силу следующих причин:

1) Низкая осведомленность населения о процедуре банкротства.

2) Чтобы суд признал заявление гражданина о банкротстве обоснованным, необходимо собрать солидный пакет документов. Не всем должникам это по силу, особенно тем, которым раньше никогда не сталкивались с документационной работой. И даже, при отсутствии одной положенной справки, суд может отказать брать дело в работу.

Совокупность перечисленных причин делают процедуру банкротства не столь простой и привлекательной, какой ее хотели бы видеть должники. Но, несмотря на это, финансовое банкротство физического лица на сегодняшний момент - это единственный законный способ списания долгов.

Для решения сложившихся проблем необходимо определить четкие критерии банкротства граждан, разграничить их в зависимости от различных социальных слоев населения и жизненных ситуаций, разработать и упростить механизм банкротства.

Положения, посвященные несостоятельности физических лиц, пока еще далеки от идеала, однако их совершенствование представляется возможным и реальным.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. -2002. -№ 43.- ст. 4190
2. Голубцов В.Г. Модель банкротства физического лица в концепции гражданской несостоятельности по российскому законодательству// В сборнике: Шестой Пермский конгресс ученых-юристов Избранные материалы. Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова; Губернатор Пермского края; Пермский государственный национальный исследовательский университет, юридический факультет; Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России»; Региональная общественная организация «Пермское землячество»; Семнадцатый арбитражный апелляционный суд; Пермский краевой суд; Арбитражный суд Пермского края; Уполномоченный по правам человека в Пермском крае; Нотариальная палата Пермского края.- 2016.- С. 47-53.
3. Горяйнова Е.А., Чужинов С.В. Процедура банкротства физического лица в РФ// В сборнике: Университетская наука - региону Материалы IV-й ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета. -Под редакцией Ушвицкого Л.И., Савцовой А.В. 2016. - С. 63-66.
4. Дутова Н.В. Банкротство физического лица// В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Под общей редакцией Д.А. Пашенцева.- 2016.- С. 498-501.
5. Тулинов А.В. Банкротство физического лица - новелла российского законодательства// В сборнике: Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции.- 2016. -С. 53-58.

Шестаков Николай Владимирович
Shestakov Nikolay Vladimirovich

Волгоградский институт управления, филиал РАНХиГС, E-mail: appolinariyanik@mail.ru
УДК 343.139

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ
ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ**

**THE PROCEDURAL CONDITIONS, THE GROUNDS AND PROCEDURE FOR HOLDING
A PERSON AS AN ACCUSED DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION**

Аннотация: в статье рассмотрены процессуальные условия, основания и порядок привлечения лица в качестве обвиняемого при производстве предварительного следствия.

Исследуются вопросы достаточности доказательств, необходимости нормативной регламентации правового смысла предъявления обвинения на этапе предварительного следствия, признания доказательств недопустимыми.

Annotation: the article considers the procedural conditions, the grounds and procedure for holding a person as an accused during the preliminary investigation.

Explores the issues of sufficiency of evidence, the need for statutory regulation of the legal meaning of the charge at the stage of preliminary investigation, declaring the evidence inadmissible.

Ключевые слова: достаточность доказательств, привлечение в качестве обвиняемого, предварительное следствие, основание привлечения в качестве обвиняемого, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, уголовный процесс.

Keywords: sufficiency of the evidence, bring charges, a preliminary investigation, the basis of the indictment, the resolution on attraction as a defendant, the indictment, a criminal proceedings.

Введение. Момент появления в уголовном процессе обвиняемого связан с вынесением следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (при условии производства предварительного расследования в форме следствия). Соответственно необходимо рассмотреть понятие «достаточность доказательств» выступающее основанием придания лицу статуса обвиняемого.

Основной раздел. Некоторые авторы, как например А.С. Стройкова указывают, что уже на этом этапе расследования выводы следователя по обстоятельствам преступления, инкриминируемого обвиняемому, указанные в постановлении должны быть не вероятными, а достоверными.[12; 86]

В связи с этим необходимо отметить, что среди ученых существует много мнений относительно термина «достаточность доказательств».

Так одними авторами достаточность доказательств понимается как убеждение в том, что осуществлено всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. [3; 85]

Другие представляют достаточность доказательств в качестве совокупности относимых, допустимых доказательств, необходимых для установления обстоятельств преступления в соответствии с действительностью и вынесения обоснованных решений в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. [14; 30].

Так как акт привлечения в качестве обвиняемого имеет важное значение, законом связывается осуществление акта с наличием оснований для этого. К примеру А. П. Рыжаковым указывается, что под основанием привлечения лица в качестве обвиняемого становится «уверенность следователя (лица, производящего дознание) в уголовно-правовой противоправности, общественной опасности доказываемого деяния, виновности и деликтоспособности привлекаемого за его совершение лица». [11; 16]

Тем не менее, вера в виновность лица, даже построенная на соответствующей совокупности доказательств является субъективной категорией и сама по себе не может являться основанием

привлечения в качестве обвиняемого. Основанием же могут быть признаны конкретные фактические данные, благодаря которым основание приобретет материальное (объективное) содержание. По мнению Л. А. Мариупольского под понятием «основание привлечения в качестве обвиняемого» подразумеваются и материально-правовые категории (виновность), и уголовно-процессуальные категории (доказанность, пределы доказывания). Основанием привлечения в качестве обвиняемого понимается «установление процессуальными средствами факта совершения общественно опасного деяния (события преступления), доказанность совершения этого деяния конкретным лицом (которое по своим свойствам может быть субъектом данного преступления) и виновность в нем данного лица». [10; 75]

УПК РФ определяет основание для привлечения в качестве обвиняемого наличием «достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления». При этом прямо не раскрыто понятие достаточности доказательств и данный вопрос является неоднозначным и в науке и в практике.

Так по мнению М. С. Строговича и Д. А. Карницкого к моменту предъявления обвинения необходимо собрать «такие улики против привлекаемого в качестве обвиняемого лица, которые с точки зрения среднего человека давали бы основание думать, что исследуемое преступное деяние совершено этим лицом». [6; 12]

Вот что пишут по этому поводу Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин: «Если учесть, что под обвинением подразумевается совокупность инкриминируемых лицу противоправных и общественно опасных действий, то становится вполне очевидным, что имеющиеся в распоряжении следователя доказательства признаются достаточными для привлечения лица к уголовной ответственности тогда, когда ими устанавливаются факты, из которых складывается соответствующий состав преступления». [15; 43]

По мнению Л. А. Мариупольского достаточными доказательствами можно считать таковую совокупность доказательств «которая изобличает конкретное лицо в совершении преступления, и в его действиях устанавливает (доказывает) состав преступления». [10; 11]

Так как доказанность как основание решения состоит из достаточных доказательств, без которых следователь не может принять решение о вынесении постановления, подобное понимание основания к привлечению лица в качестве обвиняемого можно считать более точным.

Утверждение о том, что для привлечения в качестве обвиняемого достаточно единственного основания – факта совершения лицом преступления, а достаточные доказательства необходимы исключительно для формулирования обвинения нельзя признать правильным. [5; 44]

Некоторые авторы как например М.Ю. Колбеева считают, что существующий в современном виде институт привлечения лица в качестве обвиняемого, сохранивший в себе основные черты аналога советского периода, явно диссонирует с системой обновившихся норм действующего уголовно-процессуального законодательства. Законодатель создает достаточно предпосылок для реформирования института привлечения лица в качестве обвиняемого.

Колбеевой М.А. предлагается заменить исследуемый институт на институт уведомления о подозрении по аналогии с существующим порядком уведомления лица о подозрении в совершении преступления по уголовным делам, возбужденным по факту совершения преступления при расследовании уголовных дел в форме дознания. Что будет способствовать не только унификации и упрощению досудебного производства по уголовному делу, но и позволит максимально снизить риск необоснованного предъявления обвинения и негативные последствия от этого, а также решить целый ряд задач. [8; 6]

Однако независимо от фактического названия статуса необходимо помнить об основной задаче следствия на данном этапе, состоящей из необходимости доказывания факта совершения лицом преступления.

Если данный факт доказан – это и есть основание для привлечения лица в качестве обвиняемого. На момент вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого необходимо доказать следующее: деяние, послужившее поводом для ведения следствия, действительно произошло; данное деяние было совершено указанным лицом; деяние содержит в себе состав конкретного преступления; обстоятельства, которые исключали бы производство по данному делу и уголовную ответственность лица отсутствуют.

По мнению В.Ф. Антонова [11; 7] необходимо установить следующие обстоятельства: имел ли место факт преступления; совершило ли его лицо, которому было предъявлено обвинение; имеются ли в совершенном лицом деянии признаки состава преступления и если да, то какого.

Теперь необходимо разобраться, что понимается под «достаточностью доказательств». В понятие «достаточность» входят и количественная и качественная сторона. Доказательства, лежащие в основе решения должны быть достоверными, и в таком количестве, в каком они составят совокупность, необходимую для принятия правильного решения.

Уголовно-процессуальным законом все правила, которые относятся к сбору, проверке и оценке доказательств, одинаково распространяются и на суд и на следователя. Органу расследования во время определения достаточности доказательств необходимо руководствоваться теми же требованиями, которыми будет руководствоваться суд при вынесении решения о виновности. Решение должно базироваться не просто на совокупности доказательств, а на их системе, внутри которой отсутствуют противоречия между множеством взаимосвязанных доказательств. В случае отсутствия таковой системы и наличия лишь отдельных доказательств, не согласующихся друг с другом, нельзя принимать решение о привлечении в качестве обвиняемого.

В вопросе о достаточности доказательств серьезную роль играет внутреннее убеждение следователя. Нельзя сказать, что вопрос о внутреннем убеждении следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого неправомерен и преждевременен ввиду незаконности следствия и исследования не всех обстоятельств дела, соответственно отсутствуют основания для формирования внутреннего убеждения.

Следователь делает вывод о необходимости привлечения лица в качестве обвиняемого при наличии определенной совокупности уже имеющихся доказательств. При этом согласно ст. 17 УПК РФ доказательства оцениваются по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. Внутренне убеждение является неотъемлемым условием для принятия всех ключевых решений во избежание опасности механического, формального подхода.

Есть мнение, что нет необходимости предъявлять обвинение на предварительном следствии. Б.Я. Гаврилов считает данный правовой институт устаревшим и утратившим правозащитный смысл, но при этом требующим неоправданных затрат от следственного аппарата. Ученым приводится система разноплановых аргументов: этого института с 2001 года нет на дознании, что не привело, по его мнению, к снижению качества расследования; в 2007 году на дознании введена и апробирована вполне адекватная замена – «уведомление о подозрении»; в пореформенном русском уголовном процессе института предъявления обвинения не было вплоть до 1887 года, и без него легко на практике обходились. В советские годы к отдельному процессуальному действию – предъявлению обвинения – были привязаны случаи более раннего участия защитника по некоторым уголовным делам, но в современных условиях такая необходимость отпала, поскольку адвокат с 4 марта 2013 года может быть приглашен для оказания квалифицированной юридической помощи уже на стадии возбуждения уголовного дела. [4; 329, 330, 334]

Это мнение находит поддержку у Тарасова А.А., который отмечает, что и в нормативной регламентации и в практической реализации сущностный международно-правовой смысл «предъявления обвинения» и «обеспечения права на защиту» должен превалировать над формально-документальным их выражением. [13; 41]

В случае если каждому человеку, по мнению Тарасова А.А., в отношении которого осуществляется властная правоприменительная деятельность, гарантируется отсутствие злоупотреблений конкретных должностных лиц, и он не рискует оказаться в самой критической ситуации без квалифицированной юридической помощи или без знания языка, на котором ведётся расследование, если ему гарантируется отсутствие уголовной ответственности в случае своей невиновности и у него имеется реальную возможность доказать свою невиновность, то становится абсолютно не важно, как называется его процессуальный статус и какими документами оформляется его участие в уголовном деле.

У следователя должно быть убеждение о верности вывода о совершении преступления лицом, привлеченным в качестве обвиняемого. Соответственно, у следователя должна быть твердая уверенность в верности своих выводов, так же он должен обладать решимостью выразить эти выводы в соответствующих документах (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение), готовностью отстаивать их в соответствующих инстанциях (начальник следственного подразделения, прокурор), нести за него ответственность.

Конечно, нельзя считать убежденность следователя как критерий истинности. Следователь может совершить ошибку, как и любой человек. Такие ошибки можно встретить в практике работы следователей, однако в случае если ошибка стала результатом добросовестного заблуждения следователя, нельзя считать правильным наказание за это. Самой распространенной ошибкой являются ошибки, связанные с приданием слишком большого значения какого-либо отдельного источника доказательств.

Существуют различные причины для возникновения необоснованных решений о привлечении в качестве обвиняемого:

- Выводы о виновности делаются на основании показаний других обвиняемых;
- Потерпевший опознает обвиняемого по неопределенным признакам;
- Выводы о виновности делаются на основании неприязненных отношений между потерпевшим и обвиняемым;
- Информация о том, что лицо уничтожило следы преступления;
- Обвиняемый осведомлен об обстоятельствах, которые мог знать только причастный человек;
- У обвиняемого были обнаружены предметы преступного посягательства.

При наличии вышеперечисленных обстоятельств следователь не всегда учитывает то, что данные обстоятельства не свидетельствуют напрямую о вине конкретного лица.

Так например, на практике, следы преступления могут скрывать и лица непричастные к преступлению из страха перед необоснованным привлечением к уголовной ответственности, из желания помочь родственнику или близкому человеку. Те случаи когда следователь не принимает меры по всестороннему полному и объективному расследованию часто приводят к отмене приговора и направлению дела на новое расследование.

Помимо этого следователю в своей работе необходимо помнить о том, что в основу обвинения должны быть положены данные, находящиеся в материалах, полученных процессуальным способом. Все остальные данные не могут считаться доказательствами.

В уголовно-процессуальном законе и судебной практике не дается однозначного ответа на вопрос о том, какие нарушения при производстве следственных действий по уголовному делу влекут безусловное признание полученных таким путем доказательств недопустимыми. При оценке доказательств необходимо учитывать существенность каждого конкретного нарушения, допущенного при производстве того или иного следственного действия, насколько оно не соответствует принципам уголовного судопроизводства, требованиям уголовно-процессуальной формы, правам участников процесса и другим процессуально значимым факторам. [2; 122]

В юридической литературе отмечалось, что для привлечения лица в качестве обвиняемого, следователю достаточно найти информацию, с вероятностью подтверждающую факт совершения преступления конкретным лицом. При этом следователь может сомневаться в виновности лица и обвинение в данном случае предъявляется для того чтобы проверить показания обвиняемого и установить совершал он преступление или не совершал. Некоторыми авторами делается оговорка, что «степень... вероятности должна быть высока и приближаться к достоверности», но сути это не меняет. [6; 15]

Вероятность вне зависимости от ее степени, это всего лишь возможность, предположение, проблематическое знание. Вывод следователя можно считать достоверным при наличии имеющейся совокупности доказательств. Но если уже в имеющуюся совокупность добавить еще одно дополнительно е доказательство, то возможно оценка получившейся совокупности изменится. Однако и из новой совокупности должен вытекать вывод – о том, что факт совершения противоправного действия лицом является доказанным. В противном случае следователь не может принять решение о привлечении лица в качестве обвиняемого. Можно согласиться с Л. М. Карнеевой, которая пишет, что «... внутреннее убеждение следователя при вынесении любого из процессуальных решений должно опираться на формулировки закона, регламентирующего основание вынесения этого решения». [7; 15]

Тем не менее, согласно ст. 175 УПК РФ, в ходе проведения расследования обвинение может быть изменено либо дополнено, либо вовсе отпасть. Это не значит, что выводы следствия были предположительными, вероятными, так как и выводы, содержащиеся в приговоре суда, иногда оказываются неверными. Невозможно заранее определить какое именно количество доказательств, и

каких именно будет необходимо для привлечения лица в качестве обвиняемого. Каждое конкретное дело требует своей совокупности доказательств, исходя из существующих обстоятельств дела.

Таким образом, достаточные доказательства в акте привлечения в качестве обвиняемого это «достоверные сведения, собранные, проверенные и оцененные следователем в установленном законе порядке, которые в своей совокупности приводят к единственному и правильному выводу на данный момент расследования о том, что определенное лицо совершило преступление, предусмотренное Уголовным кодексом, и не подлежит освобождению от ответственности за него». [16; 25]

Соответственно, на данном этапе предварительное расследование еще не окончено, продолжается сбор и исследование доказательств. Выводы следствия о совершении обвиняемым преступления не окончательны, однако, это не значит, что решение следствия строится на непроверенных доказательствах.

Таким образом признание доказательств достаточными в момент привлечения в качестве обвиняемого подводит итог всей познавательной деятельности по установлению обстоятельств, входящих непосредственно в содержание обвинения в материально-правовом смысле. Следователем оцениваются собранные доказательства с точки зрения достаточности для достоверного установления объема обстоятельств предмета доказывания, указанного ч.2 ст.171 УПК РФ.

Соответственно доказательств должно быть достаточно для достоверного установления конкретного лица, его виновности в совершении определенного преступления, в котором обвиняется данное лицо с указанием времени, места и других обстоятельств совершения преступления.

Заключение. Всё вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве есть система допустимых, относимых и достоверных доказательств, полученных в результате исследования всех обстоятельств (необходимых для привлечения в качестве обвиняемого) и всех собранных доказательств, безусловно, указывающих на достоверное установление обстоятельств предмета доказывания (необходимых для привлечения в качестве обвиняемого).
2. Признание доказательств достаточными для установления обстоятельств предмета доказывания (для привлечения лица в качестве обвиняемого) по уголовному делу должно всегда означать, что получены достоверные выводы в отношении указанных обстоятельств. [12; 86]

Библиографический список:

1. Антонов, В.Ф. Привлечение лица в качестве обвиняемого: вопросы теории / В.Ф.Антонов //Российский следователь. – 2006. – №8. – С. 6-8.
2. Бажанов С.В. Признание незаконным привлечение лица в качестве обвиняемого и его заключения под стражу: должно ли прекращаться уголовное преследование?//Юридическая наука и правоохранительная практика. № 1 (35) 2016, - С.117-122
3. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 85.
4. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. проф. В.А. Лазаревой. - Самара: Самарский университет, 2010. - Вып. 5.
5. Громов, Н.А. Обеспечение прав и законных интересов лица привлекаемого в качестве обвиняемого / Н.А. Громов, Ю.В. Францифоров //Следователь. – 1997. – №5. – С. 42-46.
6. Громов, Н.А. Статус обвиняемого и защитника в досудебных производствах / Н.А. Громов, И.А. Зайцева, Н.В. Луговец, А.И. Ивенский //Следователь. – 2003. – №10. – С. 11-23.
7. Карнеева, Л.М. Особенности предъявления обвинения и допроса в условиях деятельности ОВД: уч. пособие / Л.М. Карнеева – М.: МССШМ МВД СССР, 1989. – 133с.
8. Колбеева М.Ю. Уведомление о подозрении в совершении преступления как альтернатива привлечению в качестве обвиняемого//Вестник Казанского юридического института МВД России. № 8, 2012., - С.1-6
9. Лукашевич, В.З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе / В.З. Лукашевич. – Л., 1985. – 193с.
10. Мариупольский, Л.А. Привлечение в качестве обвиняемого /Л.А. Мариупольский – М.: 1976 – 75с.
11. Рыжаков, А.П. Обвиняемый / А.П. Рыжаков. М., 1999. – 144с.
12. Стройкова А.С. К вопросу о достаточности оснований для предъявления//Вестник Адыгейского государственного университета № 8, - 2008 г., - С.86-89, С. 86

13. Тарасов А.А. К вопросу о правовом статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. // Евразийская адвокатура № 2 (15) 2015., - С.32-41
14. Ульянова Л.Т. О достаточности доказательств // Вестник МГУ. Сер. 12. Право. 1974. № 6. С. 30.
15. Францифоров, Ю.В. Основания и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого / Ю.В. Францифоров, Н.А. Громов // Следователь. – 1998. – №8. – С. 41-47.
16. Францифоров, Ю.В. Понятие и процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого / Ю.В. Францифоров // Российский судья. – 2002. - №5. – С. 24-26.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей XVI Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-9500488-3-8

Научный юридический журнал «Юридический факт»

Кемерово 2017